

Собеседник

Батурин Глеб Николаевич

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 10 июня 2014 и опубликована 28 сентября 2015.

Введение

В третьей беседе Глеб Николаевич рассказывает о том, как решил сменить направление своей научной деятельности с арабистики на геологию.

После окончания Института востоковедения ученый уехал работать в Сирию, где обнаружил, что его арабский совершенно непонятен местным жителям и нужно переучиваться. Однако после возвращения в Москву, принял решение заняться исследованиями в области геологии и поступил на горный факультет Политехнического института. Чтобы иметь возможность заниматься новой профессией, он отправился «за профессиональным стажем» в четырехмесячную экспедицию на Колыму, где сполна оценил колорит местного населения и быта. В 1956 году обучение было прервано Суэцким кризисом: Глеб Николаевич был вынужден вновь отправиться на Восток, в Каир, где в течение двух лет служил референтом в советском посольстве.

По возвращении из Египта ученый опять отправился в экспедицию — на этот раз в Туву, а после возвращения, наконец-то поступил в Институт минерального сырья (ВИМС), а затем — в Институт океанологии. Именно в этом институте ученым было начато изучение ураноносных океанских отложений и фосфоритов, с которыми связаны совершенные им открытия.

Завершает беседу разговор о печальном состоянии современной российской океанологии, в частности о безответственном отношении к коллекциям геологических образцов, которые зачастую оказываются на помойке.

Беседа записана в рамках совместной исследовательской программы Фонда «Устная история» и Нефтегазового центра МГУ.

Самодуров Юрий Вадимович: У нас сегодня 10 июня 2014 года, и мы продолжаем наши беседы с Глебом Николаевичем Батуриным, доктором геолого-минералогических наук в институте океанологии. Мне кажется, две наши прошлые встречи были интересны, но за две встречи трудно исчерпать все, что было в жизни существенно важного и хотелось просто еще раз к вам обратиться, как-то вас послушать. Потому, что получилось интересно и симпатично.

Батурин Глеб Николаевич: Спасибо за комплимент. Для меня это предприятие неожиданно, потому что я ничем не знаменит в широком мире, а только в своем узком, научном. Но естественно, поскольку у меня весьма извилистый путь жизненный: и с углами, и с перепадами разного рода... На последнем этапе, на теперешнем чего-то я достиг. А всего у меня было 3 этапа. Это гуманитарный и два фундаментальных: геологический и океанологический.

Я окончил институт востоковедения, волею судьбы так получилось. Правда, когда меня принимали в этот институт, это происходило под некоторым давлением со стороны. Потому что от меня даже документов не хотели взять. Потом все-таки взяли. И предупредили, что мы вынуждены дать вам возможность учиться, но работы у вас не будет после окончания. Вот с этим я и учился 5 лет. И в основном помимо изучения языков занимался спортом: альпинизмом, борьбой, горными лыжами. И попал благодаря этому в компанию молодых ребят, примерно моего возраста, в основном геологов, которые очень гордились своей специальностью и считали, что я это такая низшая каста, поскольку занимаюсь неизвестно чем. Я в этом убедился, когда окончил институт, и меня направили в командировку в Сирию, на промышленную выставку. Где я работал стендистом и должен был давать пояснения публике, что за станки стоят, для чего и почему.

” Тут я в первый же день обнаружил, что меня учили не тому языку, на котором люди говорят. Только тому, который считается литературным и простому люду почти что непонятен.

Мне пришлось срочно перековывать свой арабский классический язык на диалект. Я более-менее в этом преуспел. Проработал там весь срок, потом выставка начала закрываться. Там произошел неприятный инцидент: ночью в павильон залезли жулики. Среди ночи подъехала к гостинице, где я жил, милицейская машина, и от меня потребовали, чтобы я участвовал в составлении протокола, поскольку никто там кроме меня арабского языка не знал. А на следующий день меня выставили оттуда в срочном порядке, поскольку я, оказывается, не имел права вступать в контакт с полицией без разрешения посольства. Это было все среди ночи. А действительно: до выезда мы подписывали всякие обязательства, что мы никаких нарушений совершать не будем. А контакт с полицией — это, естественно, смертный грех.

Я вернулся в Москву и попытался куда-то поступить на работу. Сначала не удавалось, но потом меня приняли в радиокомитет переводчиком. Я там занимался отделом писем, потом участвовал в передачах, переводил статьи и прочее и прочее и понял, что это все-таки не мое. Надо, как говорят в некоторых кругах, рвать когти. Я уволился из радиокомитета, поступил заочно в политехнический институт на горный факультет, потому что там просто геологического не было, был только горный. И начал осваивать высшую математику, детали машин, черчение, проходку горных выработок и так далее. А параллельно кормился тем, что переводил стихи арабских поэтов на русский язык. Правда, это были, так сказать, заготовки для профессиональных поэтов. В частности Луговской, был такой поэт, пользовался моими услугами и прочие.

И в геологию меня тоже нигде не могли принять, потому что у меня специальности геологической не было и должностей тоже не было, ни рабочего, ни лаборанта. Но на временную работу я все-таки устроился в геологический институт и отправился в экспедицию на Колыму на четыре месяца. Там я быстро познакомился со всеми прелестями того края. Самое сильное впечатление, конечно, на меня произвели насекомые: мошка, комары, слепни. Один раз мне слепень прокусил пятку, когда я разулся. У нас таких слепней не бывало. Потом я познакомился с местной публикой. Там были и уголовники и политические,

которые срок свой отсидели, но на континент их не выпускали. Они там перебивались кто чем мог. Кто ягоду собирал, кто на подсобных работах каких-то. А мы путешествовали на катере вдоль Колымы, со среднего течения вверх двигались. И у каждого обнажения мы останавливались, выходили, описывали, брали образцы и так далее.

Было множество не приключений, а инцидентов.

” У нас команда была такая: капитаном катера был бывший власовец, матросом был московский бандит, и поваром был одесский карманник, щипач по-ихнему. От этой публики мы много чего узнали о местных нравах.

Приходилось нам встречаться и с золотоискателями, и просто с бродягами, и с охотниками. В общем, впечатлений было много. Вернулись мы из этой экспедиции, но места так и не было в ГИНе для меня.

Ю. С.: А ГИНовская экспедиция?

Г. Б.: Да, это была ГИНовская экспедиция. Чубаева Марина Николаевна была начальником экспедиции, кандидат наук она. А рекомендовал меня туда мой друг Хоментовский, горнолыжник с которым мы снимали избу в Подмоскovie на зиму, и там компания наша проводила все выходные дни. Так что друзей у меня было тогда много.

Командировка в Египет

И вот эти мои упражнения были прерваны войной. Суэцкой войной, как вы помните, была в 50-х годах. То есть когда Египет национализировал Суэцкий канал, начались военные действия, бомбежки карьера, потом арабо-израильская война. В общем, мне была уготована судьба, поскольку я был офицер запаса, военный переводчик. Мне был прямой путь в армию и туда. И в этот момент мой бывший шеф по радиокомитету получил назначение в Каир в качестве советника. А там не было ни одного переводчика с арабским языком. Он меня прихватил, сказал, что деваться тебе все равно некуда, давай уж лучше сюда поедем. Я как раз тогда женился. Жить было особенно не на что, ну и я согласился, скрепя сердце. И так я отрубил там два года, занимался оперативной работой. То есть я приходил рано утром на работу. На столе у меня лежала пачка местной прессы. Я быстро ее просматривал, печатал пресс-релиз страниц на пять. И к двенадцати или к часу дня клал это на стол послу. Он вносил свои пометки и отправлял в центр. Вот таким образом версталась наша политика. Посол, правда, оказался в какой-то степени моим не то что советником, но коллегой. Поскольку он был раньше горным инженером...

Ю. С.: О!

Г. Б.: Потом работал на Колыме, в тех же краях, где и я был.

Ю. С.: А как его звали?

Г. Б.: Это Евгений Дмитриевич Киселев, который потом был заместителем генсека ООН.

Ю. С.: Ух ты!

Г. Б.: Он был феноменальный человек с тонким политическим чутьем. Он был консулом когда-то в Нью-Йорке во время войны. Потом послом в Венгрии, откуда сумел ускользнуть за два месяца до начала событий, потом послом в Австрии, потом в Египте и так далее. В общем, у нас с ним был некий общий язык.

Я не имел дипломатического статуса. Я был переводчик, а дипломат — это начиная с атташе, потом третий секретарь, второй, первый и советник. А я такого статуса не имел. Но зато я был единственный человек, который знал арабский язык. Мало того, я еще руководил комиссией. Те, кто претендовал на знание языка,

должны были каждый год сдавать экзамены. Им платили за европейские [языки] надбавку десять процентов, за восточные — двадцать. И поскольку некоторые люди там числились как знающие арабский язык, который они на самом деле не знали, я должен был составлять протокол, подписывать, что я подтверждаю. Поэтому ко мне относились с осторожностью, и я там чувствовал себя, в общем-то, совершенно свободно. То есть я освоил уже следующий диалект после сирийского, египетский. Во всех местных особенностях разбирался. У меня были знакомые — не друзья, а просто знакомые — среди местной арабской знати. Я присутствовал на всяких мероприятиях. Сопровождал нашего министра внешней торговли Патолочева к Насеру. Познакомился с этим знаменитым Абделем Насером, про которого мы сочиняли всякие стишки. Помню, впечатление у меня от него было не очень благоприятное. Мне не понравилась его влажная слабая рука, когда мы здоровались.

Ю. С.: Ну, рука... А вот по разговору как, он соображал ведь, наверное?

Г. Б.: Он соображал, да. Но он был антисоветчик тайный.

Ю. С.: Да?

Г. Б.: Да. И я об этом знал, из разных источников. И в газетах я всегда изыскивал такие места, где нас ругали, чтобы знали, как к нам относятся на самом деле. Потому что все, что я видел вокруг себя: это строительство плотины, это поставки колоссального количества вооружения, которое разворовывалось тут прямо на ходу. И вот я видел, что это все не на пользу, а во вред. И поставка продовольствия, и прочее. Там был скандал, когда обнаружили червячка в нашем зерне, предъявили претензии и всякие неустойки пришлось платить за это. В общем, все это существование мне крайне претило. И как только я свой срок отсидел, я вернулся в Москву. Тут же уволился и отправился уже с ГИНОм, с экспедицией.

Ю. С.: Но вас отпустили так вот, как-то свободно? Отпустили свободно?

Г. Б.: Ну-у, не совсем свободно.

Ю. С.: Вы же там были ценный человек.

Г. Б.: Да, но срок два года, его превышать нельзя. Меня посол, правда, пытался удержать. Но слава богу, не получилось. Потом на меня естественно, написали всякие бумаги, что способствовало моему освобождению.

Ю. С.: Понятно. А вот если можно, чуть-чуть о Египте... Вы говорили, со знатью познакомились с местной, что было интересного в этих людях?

Г. Б.: В этих людях самое главное, или одно из самых главных — это Коран.

Ю. С.: Да?

Г. Б.: Коран.

Ю. С.: Реально, да?

Г. Б.: Да. То есть они, почти все они по-настоящему верующие, они считают, что все в руках Аллаха. Но это не мешает им изощряться во всяких махинациях, комбинациях и так далее. (*Усмехаясь*). То есть народ, общая масса народа — темная довольно. Неграмотных там большинство. И просто крестьяне, феллахи, они кроме своего поля ничем не интересуются.

Ю. С.: Но если они неграмотные, то каким же образом они знают Коран? Никак не знают.

Г. Б.: Коран они знают, потому, что его учат наизусть.

Ю. С.: Да?

Г. Б.: А как же? Есть медресе по-нашему, а у них это «мадерсе» называется. Школа, начальная школа. Во-

первых, там дают какое-то начальное образование все-таки, а потом Коран заучивают все. Неважно, грамотный или не грамотный. В средние века все были неграмотные, а Коран все знали. Основное, главные суры Корана все знали, начиная с первой, которая называется «открывающая», Эль-Фатиха. Начинается она с известных всем слов «алля иляха илля Ллаху ва Мухаммадун Рассу-Алла». То есть: «Нет бога, кроме Аллаха, никаких других богов нет, и все в руках Аллаха». Но там вполне интеллигентная верхушка.

Ю. С.: А западное образование у них было?

Г. Б.: Западное образование они, во-первых, совершенно свободно могут учиться в любом университете, институте на западе. Потом у них раньше, в колониальные времена, естественно, были французские лицеи, английские, итальянские. Но вот в последние годы они... просто преподают во всех институтах, университетах европейский язык, в основном английский. Но первоначально преобладающим иностранным языком был французский. После Наполеона.

Ю. С.: Ну да.

Экспедиция в Туву

Г. Б.: Такое наследие. Вернувшись из Египта, я отправился в экспедицию в горную в Тыву со своими друзьями из института геохимии. Работали мы в горах. Главная задача была собрать коллекцию аксессуарных минералов из горных пород. Там колоссальные курумы, гористая местность. Курум — это такой развал из каменных глыб. У нас был целый караван лошадей, мы с собой везли ступы чугунные, весом килограмм 12, с пестиками, тоже чугунными. И подбирали глыбы пород.

” Дробили их сначала кувалдой, потом толкли в ступе до песка, промывали и этот минеральный концентрат — это был наш главный улов, который уже потом исследовался в лаборатории.

Вот так мы провели сезон. И вернувшись, я тоже пытался поступить в геохимики.

Ю. С.: Тува незадолго до этого была включена в состав СССР.

Г. Б.: Тува была включена в состав СССР в 43 году. И там были поселения старообрядцев. У нас был парень, рабочий, который был единственным человеком, который уцелел из всего села. Потому, что когда оккупировали, когда советские войска оккупировали Тыву, то молодежь стали призывать в армию, а старообрядцы этого терпеть не могли. В общем, когда это все началось, то все село заперлось в церкви, и подожгли. А этот парень все-таки убежал. Он остался единственный из своего села.

Ю. С.: Я недавно прочел целую книгу о самосожжениях старообрядцев, целое академическое исследование. И там не упоминалось случаев 43-го года.

Г. Б.: Да, вот так оно и было.

Ю. С.: То есть там считалось, что последние самосожжения — это где-то 40-е годы XIX века.

Г. Б.: 43-й год.

Ю. С.: А через 100 лет еще, 43 год.

Г. Б.: Да. Моя мать когда-то была на Алтае, во время гражданской войны бежала от голода. Она учительницей в селе устраивалась у старообрядцев. И ей отвели какую-то отдельную пристройку. Считалось, что [она] поганая (*посмеивается*), она [жила] отдельно, у нее была посуда и все прочее. Но она там провела, по-моему, года полтора, потом как-то прижилась. Даже фотографии какие-то сохранились

с того времени. И потом она хотела уже в старости уехать снова туда.

Ю. С.: Да? То есть у нее были хорошие воспоминания?

Г. Б.: Да. Люди были там прекрасные. Изобилие было всего. Все были одеты в лохмотья, но жили хорошо. И она написала туда письмо, и ей ответили, что ни одного жителя старого не осталось.

Ю. С.: Понятно. А вот тувинцы в этот сезон вам встречались?

Г. Б.: У нас был проводник, двое проводников-тувинцев. Потому что у нас было штук 13 лошадей, при них два конюха и проводника. Один из них был пожилой, и он был еще и охотник. И в первом же походе он застрелил медведя. Так что мы питались... Да, причем мы накануне купили пол-оленья тушу, и на следующий день еще медведь появился. *(Усмехается.)* Так что мы этим мясом объедались. Но у нас кончилась соль. И мы стояли одно время, разбили лагерь возле озера. В это озеро впадали маленькие речушки, по существу, ручейки. И эти ручейки кишели рыбой, хариусом. Причем этих хариусов ловили руками.

” Вот руки опускаешь туда, хариус сразу в стороны. А когда руки поддержишь в холодной воде, они остывают и тогда они уже не боятся. А просто их берешь и выбрасываешь на берег.

Но солить мы их не могли, свежую-то рыбу ели. И не знали, что с этими хариусами делать, пытались лошадей кормить, но они не ели. *(Смеется.)* Рыбу не стали есть.

Ю. С.: А тувинские села какие-то были?

Г. Б.: Мы в безлюдных местах работали. Был Сеймчан, большое село, где была наша база, но мы там почти не бывали. И там в основном русские были. Баня даже была. А местных кочевников мы даже ни разу не встречали. Хотя там по горам ходили. Там свободный вход в Монголию был, граница чисто символическая.

Возвращение в Москву

Вернувшись в Москву, я тоже хотел пойти в ГЕОХИ, там ничего не получилось. Как мои друзья ни хлопотали, взять меня туда не могли, опять же по анкетным данным. А данные у меня были нехорошие. Поскольку я сызмала увлекался коллекционированием всего, что попадалось под руку, из любопытства. Насекомых, жуков собирал, бабочек. Потом какие-то чучелки пытался делать. Но потом началась война, и я, естественно, стал интересоваться оружием, я всегда [им] интересовался. Отец мой был военный, у него был наградной пистолет, на котором была табличка «За самоотверженную борьбу с бандитизмом». Что-то в таком духе. Работал в НКВД, прошел Первую мировую войну, потом попал в плен, бежал. Его подвешивали в колодец вниз головой, *(усмехается)* потом отправили работать на шахту. Там вместо лошадей пленных использовали катать вагонетки. Потом, когда вернулся...

Ю. С.: Это в плену его подвешивали?

Г. Б.: Да.

Ю. С.: В плену у кого?

Г. Б.: У немцев.

Ю. С.: У немцев, да.

Г. Б.: Он был, по-моему, в армии Самсонова, который попал в окружение в начале войны где-то в Белоруссии. Да, но был он рядовой, артиллерист. А когда в Германии началась революция, всех пленных

отпустили. Приехал в Москву, хотел поступить в Большой театр, голос у него был хороший.

” Пошел на площадь перед Большим театром и увидел там объявление, что артистов пайком снабжать не будут. Зато рядом висело объявление, что рабочих и крестьян набирают в ВЧК и будут давать крупу. Он туда пошел.

Так он там очутился. А потом выучился на бухгалтера, работал там по этой части. Так вот у него был наградной пистолет, который был моей любимой игрушкой. Мне его давали, гости приходили, я ходил-бродил среди гостей, пытался нажать курок, но не получалось. На пальце даже двумя руками, тугой был курок.

А когда началась война, то получить оружие было совершенно элементарно. У меня был парабеллум, у меня был вальтер, много чего другого. За это я получил три года. Но не успел отсидеть...

Ю. С.: Запись осталась?

Г. Б.: Что?

Ю. С.: Но осталась какая-то запись?

Г. Б.: Да нет, похуже, чем запись.

Ю. С.: А что?

Г. Б.: Черная метка осталась.

Ю. С.: Черная метка.

Г. Б.: Из-за чего меня и в институт не принимали. И на работу нигде не брали.

Ю. С.: Но это же все детство, все же понятно.

Г. Б.: Нет, это непонятно. После тувинской экспедиции я все-таки сумел устроиться в институт, Всесоюзный институт минерального сырья. Это заведение не менее почтенное, чем ГЕОХИ и закрытое. Но меня туда взяли, потому, что друзья мои постарались, которые там занимали какие-то должности, достаточно значимые. Начальник партии или что-то еще. И меня взяли и сказали, что зарплата у нас маленькая. Вот вы там за границей, небось, жировали, как вы тут будете существовать? А я сказал, что меня деньги не интересуют. Что вызвало гомерический хохот у директора, начальника первого отдела и отдела кадров. У трех начальников.

Ю. С.: Но это действительно так вот было. «Меня деньги не интересуют» — это было в то время необычно.

Г. Б.: Это был анекдот.

Ю. С.: Это был анекдот, да.

Г. Б.: Да, по поводу черной метки. Я в ВИМСе отработал несколько лет. Потом поступил в институт океанологии, ездил в командировки в экспедиции. И по прошествии еще там каких-то лет, я подготовил отряд для работы в Атлантическом океане и все было готово. И вдруг отказ. То есть экспедиция уходит, я остаюсь.

Ю. С.: От ВИМСа?

Г. Б.: Нет, это уже в океанологии.

Переход в Институт океанологии

Ю. С.: Как вы в океанологию попали? Вы не сказали.

Г. Б.: Это отдельная история. Когда я поступил в ВИМС, я там с самого начала работал по урану. Мы занимались исследованием ураноносных костных брекчий.

Ю. С.: Фергана где-нибудь?

Г. Б.: Это Мангышлак.

Ю. С.: Мангышлак, да.

Г. Б.: Мангышлак, потом северное побережье Каспийского моря и дальше это степи Калмыкии, и вплоть до Украины эти отложения тянутся. И все они содержат пласты костей, сцементированных с глиной, которые ураноносны. Содержат до 1–2 сотых процента урана, это промышленное сырье. И вот самое крупное месторождение было на Мангышлаке. Оно разрабатывалось, оно сейчас уже выработано, там какие-то остатки.

И вот возник вопрос: откуда это все взялось? Для геологов эти морские отложения, да еще с рыбами, — это, в общем, какая-то несусветная ересь. Какое отношение имеет рыба к геологии?

Так рядовой геолог рассуждает. Ну, ясно, что это в море образовалось. Значит, надо как-то интерпретировать. Вот разведали месторождение, промышленные кондиции, начали разрабатывать. А где генезис? В любом отчете надо писать условия залегания, такая-то минералогия, такая-то биохимия и генезис. Мы решили, что надо на вулканизм сослаться. Что извергались вулканы, лавы и эксгаляции были насыщены ураном, фосфором, сероводородом. От сероводорода рыба гибла, уран, конечно, тут же сорбировался, ну и так далее. Но один из наших коллег, Хоментовский Володя, который работал в ГИНе, в литературе нашел статью одной голландской дамы, которая описывала явления массового замора рыб в океане. Собрала статистику и, оказывается, по всему океану регулярно происходят массовые заморы. Особенно на шельфах, в зонах прибрежного апвеллинга. Это самые продуктивные районы. Там планктон богатый, там вся рыба, там главные промысловые рыбные районы. И там же оказались эти месторождения. Объясняла эта голландская дама все ядовитым цветением фитопланктона. Что время от времени возникает такая зараза. Планктон заражается, или особый вид планктона появляется. Рыба тут же дохнет. Не только рыба, бентос весь. Все это опускается на дно и затем сорбируется из морской воды или там из осадков уран, образуется такое месторождение. То есть она только первый этап объяснила. После этого такую гипотезу выдвинули, но это вызвало недоумение, критику и, в конце концов, поношение авторов этой гипотезы. Я понял, что это можно узнать только в океане. И стал интересоваться, как бы попасть в такое место в современном океане. Но единственный путь — через институт океанологии.

Ю. С.: А он уже был?

Г. Б.: Институт океанологии уже был. Он находился в Люблино в замке, во дворце графа Дурасова. Такое роскошное здание с расписными потолками. Но далековато ездить, и институт начал разрастаться. У нас появился директор, в самом начале был Ширшов.

Ю. С.: Это в океанологии?

Г. Б.: Да, институт океанологии организовал Ширшов. Сначала здания никакого не было, только в подвале он ютился. Потом получили этот дворец.

Ю. С.: Как вас туда взяли-то?

Г. Б.: (Посмеивается.) А вот это немножко другая история. Мой друг в ВИМСе, с которым я работал,

Анатолий Васильевич Кочин, учился в МГРИ вместе с Лисицыным. А Лисицын — это была уже величина в то время, уже докторскую готовил. Лисицын пришел после войны из авиации, начал работать в океанологии и очень быстро поднялся и уже имел какой-то вес. И Лисицын обещал меня взять в аспирантуру. Но потом он взял другого, а меня он перебросил на профессора Безрукова. В общем, это был уже критический возраст, 33 года, это нельзя уже дальше, последний шанс я использовал. (*Смеется.*)

Ю. С.: То есть вас взяли в аспирантуру к Безрукову, да?

Г. Б.: Да, меня определили к Безрукову. А Безруков был знаменит тем, что он участвовал в открытии фосфоритов Каратау. Вместе участвовали еще многие другие. И он был друг Яншина. Они — Яншин, Безруков и Вахрамеев — это было три студента, которые, вернее, претендента, которые хотели поступить в горную академию или в геологический институт, но их не приняли по анкетным данным всех троих. Поскольку у всех троих родители были не того рода и не того духу. И с тех пор они дружили.

Безруков меня принял, условно. То есть сначала было одно место, но экзамены сдали несколько человек, и по конкурсу проходили только двое. Но место дали молодому парню. А потом для меня все-таки через президиум выхлопотали дополнительное место. И так я попал в аспирантуру. Но были у меня тогда всякие сложности семейного характера и большую часть аспирантского времени я потратил на обустройство. На приобретение жилплощади. Путем всяких там обменов и бесконечных, по-моему, 8 или 9 раз я менял место жительства за это время. Одновременно я, естественно, постигал науку, и лабораторная моя база была в ВИМСе, там я освоил методы анализа урана и других компонентов. В общем, все анализы делал сам.

В институт океанологии меня приняли, и первым делом я отправился в экспедицию в Черное море. Экспедицию организовывал севастопольский институт Гидрофизин. Директором там был Колесников. Он был из МГУ, но его туда отправили директором. И он был знакомым наших сотрудников, и поэтому позволил мне участвовать в экспедиции. Я там освоил новую технику, сбор материала, трубки, начерпатели и прочее-прочее, поровые воды. Приобрел какой-то опыт, потом отправился в экспедицию на Аральское море. Уже от ВИМСа, уже на поиски урана...

Кандидатская диссертация

Ю. С.: (*Перебивая.*) От ВИМСа?

Г. Б.: От ВИМСа, да. Потому, что там была тема: «Современные процессы накопления урана или молодые гипертермальные и эндогенные месторождения». И Аральское море называли как возможный потенциальный источник. Аральское море и его окрестности. Потому что были сведения, что в Аральском море содержание урана в воде на два порядка выше, чем нормальное.

Ю. С.: Подтвердилось потом, нет?

Г. Б.: Да, подтвердилось. Мы там брали пробы, делали анализы и все это подтвердилось. Но в основном мы брали пробы осадков из Арала и из окружающих озер. У нас было две грузовых машины, и я взял с собой резиновую лодку... Где можно было пройти на катере, мы брали по всей акватории образцы. А на мелководье я брал с резиновой лодки, с капрона. Был у меня такой миниатюрный начерпатель, примерно объемом несколько литров, и пробы осадков я брал тоже с помощью этого начерпателя и капронового ремня. Потом это все мы сушили, распаковывали и в Москве уже анализировали. И по ходу дела я успел уложиться в срок, защитил кандидатскую диссертацию, причем материал я собрал не только на Черном море и на Азовском.

Я просто обошел все океанологические учреждения, которые были в Москве и в Севастополе, и узнавал, у кого есть осадки с других морей. И люди мне охотно давали материал.

Я потом делал анализы, присылал результаты, все это использовал в диссертации. То есть я собрал материал по десяти морям.

Ю. С.: Ох, это докторская!

Г. Б.: Ну, могла бы быть и докторская, да. То есть это Черное, Азовское, Аральское, Белое, Балтийское, Каспийское, Берингово, Аравийское, еще что-то.

Ю. С.: Это докторская.

Г. Б.: Нет, это была моя кандидатская. Называлась она: «Уран в современном морском осадкообразовании». Были у меня там, конечно, сложности с Главатомом. Потому, что первая моя статья была по Каспийскому морю. И опубликована она была в журнале «Атомная энергия». И мне приходилось ходить в комитет по атомной энергии, куда только не ходить, чтобы получить разрешение на публикацию. И у нас в институте тоже страшно боялись одного слова уран. И в первом отделе у меня были всякие сложности. Но как ни странно...

Ю. С.: А кто оппоненты были?

Г. Б.: Оппонентом из... (*вспоминает*) (?) по-моему...

Ю. С.: Да?

Г. Б.: Да, был один оппонент. А второй оппонент у меня был из ГИНа, Чердынцев.

Ю. С.: Виктор Викторович?

Г. Б.: Да.

Ю. С.: О! Любимый мой человек.

Г. Б.: Он мою диссертацию разгромил по всем статьям. Он сказал, что надо было заниматься изотопами, не просто ураном, а главное — это изотопы. Абсолютный возраст. Это надо разбираться во всех уранах, 234, 235, 238 и продуктах распада. И ионий там и так далее и тому подобное.

Ю. С.: Это его тема, да.

Г. Б.: Это его тема, да. И он меня потом нагрузил, ему понадобился уран из Черного моря, но в большом количестве. Поэтому когда я отправился в экспедицию на Черное море, я должен был собрать уран из по крайней мере двухсот литров морской воды.

Ю. С.: Выпарить, да?

Г. Б.: Да. Я в лаборатории ставил плитку с ведром. Полное ведро наливал воды, запускал туда окись железа, выпаривал все это, осадок собирал. И 20 ведер мне надо было выпарить. Я это все ему привез. Он сделал анализ, опубликовал, но про меня он ничего не сказал. (*Смеются.*)

Первая океанская экспедиция

Ю. С.: А в каком году вы защитили?

Г. Б.: В 67-м. Весной я защитился, а летом я отправился в свою первую океанскую экспедицию.

В Индийский океан. А побудило меня отправиться то, что за год до этого, в 66-м году наше судно «Академик Вавилов» работало в Красном море, в центре Красного моря и достало оттуда колонку осадка, который состоит из оксидов железа. Это просто хлопья оксидов железа и небольшой прослойчик сульфидов. Поскольку сотрудники были из Геленджика, у них такой лабораторной базы не было, они этот материал отправили в Москву Безрукову, а Безруков дал мне, чтоб я сделал анализ в ВИМСе. Я сделал анализ, оказалось это по существу железная руда. И мы тут же опубликовали статью вместе с соавторами из ВИМСа, что это разлом в центре Красного моря. И там со дна высачивается рассол, насыщенный металлами. И оказалось, что как раз в тот же год американцы оттуда получили свой материал и они опубликовали одновременно с нами целый сборник. Но там было уже все. И вся геология и гидрохимия. И потом я получил от них письмо, что как жаль, что мы не знали, что у вас тоже есть материал, мы бы включили. Но это все одновременно произошло.

Так решили, что надо Красное море изучить подетальнее. И рейс очередной, который планировался в Индийский океан проходил [так:] пароход уходил из Одессы, по Суэцкому каналу должен был войти в Красное море, затем в Индийский океан. И там изучать рифтовую зону.

Рейсом руководил Удинцев, мой тезка. К нашему несчастью и неудовольствию, мягко говоря, получилось так, что мы должны были взять с собой вьетнамских студентов. И вот мы стоим в Одессе и ждем, когда придут эти студенты. Ну, по распоряжению президиума там, или как не знаю это было. А студенты не едут и не едут. А время уже...

Ю. С.: Идет, да.

Г. Б.: Да, счетчик уже работает. И вот проходит неделя, начинается вторая. Этих студентов все нету. И время работ сокращается за счет ожидания. И так получилось, что студенты наконец прибыли, и мы ходом выходим через Красное море. Все наши надежды рушатся. А в рейсе у нас был еще Зеленев Константин Константинович, любитель подводных извержений. Который специально аппаратуру подготовил, чтобы взять пробу. И он тоже остался без дела, и я. И вот мы входим в Индийский океан и попадаем на точку так называемого тройственного сочленения подводных хребтов, это в северо-западной части Индийского океана, рифтовые хребты сочленяются, и в этой точке берем пробу. Я опускаю прямоточную трубку, она приходит пустая и только в голове кусок породы, типа базальтоида с огромными включениями сульфидов. И это первая находка сульфидов в океане. Потому что, по версии химиков, сульфидов не должно там быть. Они должны окислиться. Они не окислились. Правда, трубка пробилась, может, какой-то небольшой слой осадка, но все равно это на поверхности было.

В Москве мы тут же сделали полный анализ в той мере, какой он тогда был возможен. В обработке этого материала участвовала наша сотрудница Розанова Тамара, минеролог очень опытный. Она по двойникованию пирита определила, что температура образования этого сульфида примерно 600 градусов. И мы написали статейку, в которой было помимо описания три вывода. Первое, что это рифтовая зона перспективна для сульфидного рудообразования. Второе, что температура формирования этих сульфидов порядка 600 градусов. И третье, что это полезные ископаемые.

Ю. С.: А авторы вы и Розанова?

Г. Б.: Я, Коченов из ВИМСа и Розанова Тамара. Три автора было.

Ю. С.: Понятно.

О запрете на выезд за границу

Г. Б.: Ну и тоже, естественно, некий ажиотаж возник, потому, что в ГИНе я делал доклад по этому вопросу. Там как-то все сомневались. Но уже поток информации пошел. И самое любопытное, что один мой хороший знакомый, американец Джеймс Бишоп...

Ю. С.: Да, это известное имя.

Г. Б.: Да, рассказал мне много лет спустя, что он тоже открыл сульфиды одновременно со мной. То есть не одновременно, чуть позже. В общем, может быть чудесно, но на самом деле обыкновенным образом. Он был в командировке во Франции и зашел в одну лабораторию, где работали люди, нырявшие на подводной лодке в районе, в зоне срединно-атлантического хребта. Он зашел к ним в лабораторию и увидел там, на полках лежат камни большие. Спрашивает: «Это что за порода?». Ему говорят: «Да, видимо, базальты. Мы их не изучали, просто подняли со дна, они у нас лежат». Он взял один такой камень, говорит: «Тяжеловат для базальта, давайте-ка сделаем анализ». Тут же кусочек откололи, растерли, на анализ. Оказалось — сульфиды. И таким образом целая толпа французских исследователей, первый, Фурке, по-моему, был, множество, опубликовал статью, что они открыли сульфиды в Атлантическом океане. Про Бишопу ни слова.

Ю. С.: (Смеется.)Хоть бы поблагодарили!

Г. Б.:Вот это много лет спустя рассказывал с такой горечью...

Ю. С.: Ну да.

Г. Б.: Я был у него в гостях в Калифорнии, останавливались, он мне эту историю поведал. Знакомы мы были с ним давно. И когда-то после уже моих нескольких рейсов я получил приглашение от американцев прочесть курс лекций в университетах. Но это заняло немало времени. Сколько-то там месяцев. Надо было подготовить доклады, тематику утрясти, потом подготовить это все. Тезисы какие-то выслать. В общем, переписку мы вели довольно долго.

Ю. С.: Но все-таки выпускали, вы были выездной?

Г. Б.: Вот я по этому поводу хочу рассказать. Пригласили нас двоих: меня и Ольгу Васильевну Шишкину. Мы с ней вместе сидели в одной комнате, она была химик, занималась фторовыми водами.

Ю. С.: Какими водами?

Г. Б.: Фторовыми. То есть выжимали из осадка воду, состав определяли и дальше там множество всяких выводов научных давали, а там как почему там металлы образуются и прочее. И вот нас пригласили двоих. Она то же самое, подготовила свой цикл лекций. И чуть ли не 20 мест мы должны были посетить в течение 2 месяцев. Согласовывалось это везде, в президиуме, где угодно.

” В общем, мы собрались. Уже в срок купили билеты, всё, мы завтра уезжаем. Вечером мне звонят и говорят: «Поездка ваша отменяется».

Ю. С.: Кто звонит, прошу прощения? Из института просто?

Г. Б.: Да, из института.

Ю. С.: Из института — отменяется...

Г. Б.: По-моему, из первого отдела...

Ю. С.: Ну да, без объяснения, да?

Г. Б.: Мчусь я в институт с этой Ольгой Васильевной. Идем к директору, это была пятница, он был на месте. А наш директор раньше работал в ЦК.

Ю. С.: А кто директор тогда?

Г. Б.: Монин.

Ю. С.: Слышал, да, конечно.

Г. Б.: Да. И он там имел свои связи. Мы к нему вваливаемся и говорим: «Андрей Сергеевич, что, в чем дело?» Он начинает звонить, нигде ни кто не подходит. Он говорит: «Ну пятница, все на дачах уже». На этом наша поездка кончилась. И завершилось это грандиозным скандалом, но не лично нашим скандалом, а с Академией наук. Потому что президент американской академии наук прислал протест чуть ли не в правительство, в Академию наук, естественно, и с недоумением спрашивает: «В чем дело, что случилось?» Что ему отвечали, я не знаю, это уже не в моей компетенции. Потом идут рейс за рейсом, я везде участник, но меня не пускают.

Ю. С.: Не пускает кто, из института?

Г. Б.: Нет, причем здесь институт? Есть иностранный отдел Академии наук.

Ю. С.: Понятно. Ну, хорошо, а ваш директор? Он может?

Г. Б.: Не знаю. Я, по-моему, к директору не обращался. Но я пошел в ЦК партии. Приемная была, знаете, на старой площади.

Ю. С.: Знаю.

Г. Б.: Вот я звонил по телефону, меня спрашивают: «По какому вопросу?» Я говорю: «Вот, вопрос насчет выездного дела». — «А где вы работаете?» Я говорю: «В Академии наук». — «Вот и идите в Академию».

Ю. С.: То есть вас там не приняли?

Г. Б.: Нет. Пошел я в академию.

Ю. С.: В академию куда? Вот в этот иностранный отдел?

Г. Б.: В иностранный отдел. Мне ничего, говорят, не знаем, ничего не говорят. Только через несколько лет я встретил вот этого чиновника и спросил у него.

Ю. С.: Из иностранного?

Г. Б.: Из иностранного отдела. Говорю: «Что ж вы меня не пускали-то?» Да, меня уже потом стали пускать. А он говорит: «А у тебя судимость была». Я говорю: «Так она же...»

Ю. С.: Погашена, да.

Г. Б.: «Так она же погашена». — «Все равно должен был написать». Я говорю: «Что ж ты мне не сказал?» — «А я и не обязан».

Ю. С.: Нет, не пускали из-за того, что...

Г. Б.: Из-за того, что я должен был писать. Короче, я готовил не однажды... Готовил рейс, программу, сотрудников, оборудование и посылал груз уже во Владивосток. И всё, все идут, я не иду.

Ю. С.: Это вообще действует.

Г. Б.: На кого? (*Смеется.*) На меня?

Ю. С.: Ну да, на настроение, я не знаю.

Г. Б.: О! Если вспоминать все, что действует на настроение, у меня были моменты, я бы не сказал радостные, но как-то задним числом какое-то облегчение наступало. Например, после того, как я уже стал работать в геологии, мне как-то предложили, моя знакомая дама, которая была завканцелярией в Каире, в Египте (она работала потом в отделе кадров Министерства геологии). И мы какие-то поддерживали отношения. Она мне говорит: «Слушай-ка, у тебя сейчас плохо с работой, тебя никуда не берут. У нас сейчас экспедиция отправляется геологическая на 3–4 месяца в Йемен, и нужен переводчик. А ты еще и геолог уже почти что. Давай, я тебя оформлю». Я говорю: «Ну, давай». Прошел опять комиссию, меня оформили быстренько. А потом что-то такое мне помешало. Я уж забыл, не то экзамены надо было

сдавать, не то опять там по анкетным данным что-то. Короче, я не попал.

Прошло некоторое время, и мне говорят, что вся эта экспедиция, куда ты планировал, погибла. Пропала без вести.

Ю. С.: То есть какие-то там их...

Г. Б.: Ну, там война шла.

Ю. С.: Ну да, да.

Г. Б.: Да. И это был не единственный такой случай в моей практике. *(Посмеивается.)*

Ю. С.: Не единственный?

Г. Б.: Да. Начиная с альпинизма и так далее.

Ю. С.: Альпинизм это да.

Г. Б.: А до этого были инциденты и на воде.

Ю. С.: Ну хорошо, это же работа, как так? Я все делаю, это мое дело, я все подготовил и меня не пускают. Это же, по-моему, руки опускаются, просто...

Г. Б.: Нет, они ненадолго опускаются. *(Посмеивается.)* Ненадолго.

Ю. С.: Ненадолго?

Г. Б.: *(Продолжая смеяться.)* Ну, надо же существовать.

Ю. С.: Ну хорошо. А если второй раз, так это вообще.

Г. Б.: *(Смеется.)* Привыкаешь.

Ю. С.: Но в таких условиях работать и сохранять, как говорится, форму...

Г. Б.: Ну, это на выживаемость...

Ю. С.: Не пускали, что ни делай, все равно не пускали.

Г. Б.: Нет, ну испытание первое, и суровое испытание это война. Потому что голод, холод. Ты прочие всякие там...

Ю. С.: Ну, война это на всех.

Г. Б.: На всех, да.

Ю. С.: А это не на всех, это на меня персонально и не за что.

Г. Б.: Да. Но у всех по-разному. Кто на фронте был, кто в тылу. Кто и по-разному в тылу был.

Ю. С.: Нет, но война-то это на всех, как говорится. Она длилась тут.

Г. Б.: Ну а потом выборочно.

Ю. С.: *(Усмехаясь.)* Выборочно! Но это чересчур. Ну как, я даже не представляю. Вот я делаю-делаю. Я подготовил рейс, столько вложил. И ни с того, ни с сего, без объяснений не пускают.

Г. Б.: Нет. Но ни с того ни с сего не бывает. Какие-то есть основания.

Ю. С.: Так вам же их не говорят.

Г. Б.: Но они все равно есть.

Ю. С.: Ну вот самое нелепое, отомстить.

Г. Б.: Но это версия. Тогда, конечно, что-нибудь другое было.

Ю. С.: Версия.

Г. Б.: Мне это не известно.

Потом у меня была любопытная вещь. Я хотел рассказывать про геологические свои приключения. Так вот, после защиты диссертации я отправился в Индийский океан. Там главное мое достижение было — вот это открытие сульфидов. Остальное все было развлечение. Заходили мы на Сокотру, куда нас не пускали. На Сокотре до берега нам не дали дойти, и появились пирóги, в которых сидели аскеры, вооруженные карамультуками XIX... XVII века, и сказали нам, что вам туда вход запрещен. Сказали они это на чистом арабском языке, который понял только я. (*Смеется.*) Тогда мне сказали: «Ну попробуй, договорись с ними». Я договорился. Договариваюсь, что мы заплатим 200 шиллингов и будем сутки стоять и сможем высадиться на берег. Я написал расписку, что я, Гален бен Батур, сотрудник российского правительства обязуюсь, сим подтверждаю, что подателю сего будет выплачено 200 шиллингов в банке Найроби в Кении (а они там сообщались свободно). И подписался. Это сработало, и нас пустили.

” Мы высадились на берег. Там собирали раков-отшельников, раковины, панцирь черепахи там нашел диаметром два метра. Поставил его проветриваться на палубу, а потом матросы мыли палубу и отправили его за борт.

Ю. С.: О! Вроде должны понимать.

Г. Б.: (*Смеется.*) А Константин Константинович, академик, как же... (*Вспоминает.*) В МГУ. Забыл его фамилию.

Ю. С.: Там вроде академиков не так много. Геолог?

Г. Б.: Географ он был.

Ю. С.: Географ?

Г. Б.: Да.

Ю. С.: Там был Марков, но он не был академиком. Константин Константинович это Марков.

Г. Б.: Он тоже был академиком в 67 году.

Ю. С.: Да?

Г. Б.: Да. Он тоже был академик. Он жил с одним членкором, академическая каюта называлась. Он просил, чтобы я этот панцирь отдал ему для музея землеведения.

Ю. С.: Ну да, конечно.

Г. Б.: Да. И я ему сказал, что жалко, конечно, но возьмите. А моя лаборатория была как раз в носовой части корабля, это первая надстройка. И прямо перед иллюминатором стоял этот самый панцирь. И вот я как-то утром прихожу, панциря нет. А мой напарник, Марк Семенович Бараш набрал трехлитровую, наверное, банку раков-отшельников. И там их культивировал. Он там какие-то кусочки мяса давал, коралл положил, чтоб они там чем-то питались и на чем жить им.

А ночью была качка, это все упало и все эти раки-отшельники разбежались по кораблю. И в каждой лаборатории были свои раки. Но они, к сожалению, все погибли.

Экспедиция в юго-восточную Атлантику

После этого рейса я узнал, что готовится рейс в юго-западную... юго-восточную Атлантику, но рейс специализированный, гидрологический. То есть изучать будут только водные массы и течения. Но эта та зона, которая меня больше всего привлекала. Из-за чего я, собственно, в Институт океанологии пришел. Чтобы попасть именно туда, где апвеллинг, где массовая гибель рыб, где рыбные кладбища могут быть на дне. И я тогда мобилизовал Безрукова, он тогда уже был, по-моему, членкором, Лисицына и мы все втроем пришли к Монину и я разложил на столе карту и сказал: «Вот мне надо попасть сюда, здесь должно быть урановое месторождение». И он меня включил в рейс, дал мне отряд. И я туда попал... Да, тогда никаких этих правил запрещения выхода на берег и прочее — не было. Мы просто подошли к берегу и стали брать пробу за пробой. Берег был, можно сказать, рядом. Действительно, вода там была холодная везде. В океане теплая вода, а здесь холодная. Потому, что поверхностное течение, там поверхностная вода сгоняется от берега и на поверхность выходит этот слой холодный, который обогащен фосфором и другими биогенными элементами, и это то самое, что нужно планктону. Там бурно цветет планктон, поэтому там колоссальное количество рыб. И это самые такие богатые промысловые районы для рыб. Большая часть рыбы добывается именно там, в этих районах. Это Перу, Чили, это Намибия и некоторые зоны у Пиренеев.

Поднимаю я первый начерпатель. Начерпатель — это такая машина, открываю крышку, там такая темно зеленая жижа, похожая на коровий помет. Я туда опускаю руки по локоть, вынимаю, потом счищаю, руки остаются зелеными. Они мылом даже не смываются, это хлорофилл. Я промываю этот черпак и получаю мелкие стяжения, полужидкие или мягкие и чуть затвердевшие фосфориты.

Ю. С.: Фосфатные, да.

Г. Б.: Фосфатные стяжения. Потом я беру, делаю анализ поровых вод, беру осадок, закладываю в специальный пресс, отжимаю воду, делаю анализ, там фосфора на два порядка больше, чем в морской воде.

Ю. С.: Вот в этих стяжениях?

Г. Б.: В воде. Вода, которую отжимаю из осадка, насыщена фосфором. То есть вопрос решается сам собой. Богатый планктон фосфор доставляет на дно. Фосфор растворяется, потом переосаждается в виде этих вот стяжений. А гипотеза Казакова, которая принята была во всем мире, заключается в том, что фосфор просто осаждается, поскольку его много, он просто...

Ю. С.: Ну сам по себе химически осаждается.

Г. Б.: Ну, самосад такой получается.

Ю. С.: Да, но химически такое.

Г. Б.: Химическим путем просто осаждается и падает на дно.

Ю. С.: Без планктона.

Г. Б.: Без всякого планктона, без всякого участия планктона.

Ю. С.: А у вас через планктон.

Г. Б.: А у меня через планктон. И мало того, да еще с поровыми водами.

Ю. С.: Ну, с поровыми водами. В поровые воды он попадает из...

Г. Б.: Из планктона.

Ю. С.: Из планктона.

Г. Б.: Планктон разлагается, фосфор освобождается, в растворенном виде. Встречается кусочек ракушки, она тут же замещается фосфатом. Или просто пересыщение, ну там, перепад температуры, давления и осаждаются вот этот гель фосфатный. Он плавает вниз, получается конкреция или в виде зернышек.

Ю. С.: А планктон это — зеленый хлорофилл.

Г. Б.: Да. Но это уже планктон разложившийся.

Ю. С.: Разложившийся, да.

Г. Б.: Но он концентрирует хлорофилл.

Ю. С.: А сам планктон как-то удалось вот...

Г. Б.: Но это биологи этим занимаются. Они берут планктон там, где они колоссальное количество, миллион на кубический сантиметр... Где это видят, все изучено, описано сто раз.

И вот я публикую первую статью «Современные фосфориты» и свою гипотезу излагаю, которая полностью противоречит гипотезе Казакова. И тут на меня ополчаются...

Ю. С.: Ну, не полностью, не полностью, просто дополнительный элемент.

Г. Б.: Никаких дополнительных, а полностью. То есть никакого химогенного осаждения нет и не существует в океане. А только в осадке это происходит.

Ю. С.: Я вот понял у вас, что оно все-таки химогенное, но за счет разложения, за счет первоначальной концентрации масс.

Г. Б.: Внутри осадка, внутри осадка только.

Ю. С.: А, внутри осадка, за счет разложения планктона.

Г. Б.: Да.

Ю. С.: Ну да. То есть такое диагенетическое...

Г. Б.: Да, это диагенетический процесс. Вот тут все komponуется. Биопродуктивность. Во-первых, апвеллинг, во-вторых, биопродуктивность и так далее. Казаков не был химиком, любителем-химиком, он какие-то эксперименты ставил, что якобы из морской воды фосфор может осаждаться. Но кто бы ни старался, не получается.

Докторская диссертация. Регистрация открытия

Ю. С.: Это был какой год?

Г. Б.: Это 68-й год. И вот я на этом делаю докторскую диссертацию. Мы фосфориты изучаем из разных мест. Везде примерно одно и то же, состав близкий. И вот я эту свою концепцию предлагаю и иду на защиту в ГИН, уже докторскую защищать. Там у меня оппоненты Соколов Андрей Сергеевич с ГИХСа, с Института горнохимического сырья и Холодов.

Ю. С.: Соколов и кто вы сказали?

Г. Б.: Холодов, да, Вадим Николаевич. И третий, третий, уже забыл, кто был третьим.

Ю. С.: Как они отнеслись?

Г. Б.: Отрицательно. Резко отрицательно.

Ю. С.: Отрицательно. И Холодов тоже?

Г. Б.: В первую очередь Холодов.

Ю. С.: Да?

Г. Б.: Да. Кто же был у меня третьим оппонентом? Соколов, Холодов.

Ю. С.: Ну, не важно. Вспомните, вспомните.

Г. Б.: Значит, Холодов сказал, что вот это все чушь, и вся морская геология вместе с этим. Поскольку мы геологи, а морских геологов не существует как таковых. Потому, что геолог — это человек с молотком, он доходит вдоль обнажения, отбивает куски породы, изучает это все в огромных количествах, а вы занимаетесь профанацией.

Ю. С.: Ну не мог Холодов так сказать, потому, что работал у Страхова, который изучал морские осадки.

Г. Б.: Страхова уже не было.

Ю. С.: Страхов ему лабораторию передал.

Г. Б.: Ну и что?

Ю. С.: Ну как? У них же все это было, они изучали эти морские... как это же могло быть?

Г. Б.: *(Смеется)* Довожу до вашего сведения истинное состояние вопроса. «Вы отпускаете неизвестно какие пробоотборники на дно и вы не знаете, что на дне. И то, что взял ваш пробоотборник, тоже неизвестно, насколько это представительно. Ведь вы же не можете пройти по дну и посмотреть, что вы берете, вы берете наугад. Потом вы это выдаете за некие объективные данные, а это случайные данные. Неосознанно полученные и неосознанно интерпретируемые. Вот вы тут ссылаетесь на течения. Ну, ладно, пусть вы в этом понимаете, но геология — это не для вас». Короче говоря, эта гипотеза, эта схема не жизнеспособна, потому что это чистый вымысел. В общем, смысл таков был.

Ю. С.: И Соколов тоже?

Г. Б.: Нет, Соколов сказал, что это все очень интересно, но непонятно простому человеку. *(Смеются)* Примерно такой был смысл. А третий оппонент, чего-то он... В общем, третий оппонент высказался положительно. Ну и по подсчету голосов я прошел.

Ю. С.: То есть не единогласно далеко?

Г. Б.: Нет, не единогласно. Но потом я это дело развил и решил обратиться за советом к директору, поскольку незадолго до этого наш директор и еще двое сотрудников, Федоров и кто-то еще, оформили как открытие течение Ломоносова, которое обнаружилось в Атлантическом океане. У нас существует комитет по изобретениям и открытиям, и он оформляет не только изобретения, но и открытия. И вот наш директор оформил на свое имя и плюс авторы открытия. А до этого Михальцев, замдиректора, оформил открытие по акустике океана. Ну и прямой ход вроде бы по фосфоритам оформить. Директор говорит: «Ну давай, валяй, попробуй».

Ю. С.: Монин?

Г. Б.: Монин, да. Он как директор был заинтересован, естественно, чтобы в институте было открытие, еще открытие. И я начал действовать по той схеме, которую мне дали в комитете. Там был чиновник, который занимался этой областью, там океанология, геология, некий Отыминский, и он меня научил.

То есть надо собрать двадцать отзывов от ученых советов геологических институтов.

Ю. С.: Ох, мать моя, двадцать?

Г. Б.: Ну, может быть пятнадцать, но да. Этим я занимался довольно долго. Это надо было написать от нашего директора обращение к другому директору, чтобы такую-то проблему обсудили на ученом совете.

Ю. С.: Вы должны были делать доклад какой-то? Нет?

Г. Б.: В Москве да, я делал доклады, в других я там реферат отправлял, все положения перечислял и доказательства. И должен был получить ответ положительный или отрицательный. Все полученные ответы были положительные. После этого в комитете была организована комиссия, которая уже досконально рассматривала все и детально, эту заявку. Все положения основные проверяла. И в этой комиссии, по-моему, входило семь человек и все химики. Так что с ними было нелегко.

Ю. С.: Хорошо, а вот Безруков. Он же был один из главных фосфоритчиков.

Г. Б.: Кто?

Ю. С.: Безруков.

Г. Б.: Безруков заведующий моим отделом.

Ю. С.: А он как отнесся к этому? Он признал?

Г. Б.: Да, он признал. Без него я бы не мог этого начинать, конечно. Кстати, по-моему, я начинал при нем, а дело это продолжалось, по-моему, ну не меньше года.

Ю. С.: А Яншин, тогда же он в Новосибирске был.

Г. Б.: До Яншина дело дойдет. *(Усмехается.)* Без него не обошлось, естественно. Так вот, все эти документы я собрал. На комиссии я, в общем-то, выстоял. Было там, по-моему, три заседания этой комиссии, где я должен был по пункту доказывать все свои положения и аргументы и представлять цифры и все прочее. Там и расписать обстановку океанологическую, биологическую, биохимическую и вот что это химический процесс в конце концов, ну и так далее. В общем, приняли.

Ю. С.: Серьезное было дело.

Г. Б.: Потом в Академии наук, в Президиуме. Я не помню, какая там была последовательность, но в Академию наук в Президиум это все попало, и я делал доклад на Президиуме Академии наук. Я не помню, был ли там Яншин тогда. В общем, Президиум как-то положительно к этому отнесся, а потом Яншин должен был это утвердить. Поскольку он был член Президиума или даже...

Ю. С.: Вице-президент тогда уже.

Г. Б.: Вице-президент. И поскольку эта проблема геологическая, то должен был утвердить это Яншин. А Безрукова уже к тому времени не было. И Яншин такую резолюцию наложил, что либо мы расширяем авторский коллектив до трех человек, то есть включаем Казакова и Безрукова, то есть Батурина, Безруков и Казаков, или открытия не будет.

Ю. С.: Ну, понятно.

Г. Б.: Я пришел опять к директору и говорю: «Пусть будет открытие». И оно свершилось, номер 289.

Ю. С.: Он к Казакову конечно хорошо относился, Яншин.

Г. Б.: *(Усмехаясь.)* Естественно.

Ю. С.: Ну, Безруков, как говорится...

Г. Б.: Безруков — открыватель Каратау.

Ю. С.: Ну вот еще... ну, вы у него работали. Да, а вот Казаков...

Г. Б.: А Казаков, это я могу сказать...

Ю. С.: Ну, Казаков, надо сказать, инициировал интерес к образованию фосфоритов в зонах.

Г. Б.: Гипотеза Казакова была общепринята во вселенских масштабах. Причем даже американские геологи еще и Маккелви боготворили, фосфоритчика. И у них, у геологов была даже песенка, я помню только некоторые слова, что Маккелви и Казаков открыли апвеллинг и формирование фосфоритов, такая шуточная песенка, которую они пели на застольях у себя там, в Калифорнии.

Ю. С.: Но все-таки Казаков привлек внимание к этому образованию фосфатов в зонах апвеллинга. То есть без него вы бы, наверное, не стали там копать? Или у вас были другие основания там, в зоне апвеллинга копать?

Г. Б.: У меня были основания от ВИМСа, я работал на костных брекчиях, вот где был апвеллинг мой. В ВИМСе, а не у Казакова.

Ю. С.: Когда вы стали заниматься этими костными брекчиями, то волей неволей вы же к Казакову должны были обращаться, к идее апвеллинга?

Г. Б.: Нисколько.

Ю. С.: Нисколько?

Г. Б.: Нисколько. Потому, что про апвеллинг я узнал от [неразборчиво], а она по литературе. Апвеллинг был открыт в 1840 году, английским капитаном Джеймсом Россом и описан. Потом десятки людей изучали этот апвеллинг. Когда немцы владели Юго-Западной Африкой, это была немецкая колония, там был порт, была обсерватория. Там работали немецкие океанографы и они называли это не апвеллинг, а Auftriebwelle, то есть подъем вод. Отсюда, значит, и апвеллинг. Английского апвеллинга не было тогда слова. Это была просто холодная вода, описанная капитаном Россом. А немцы дали название свое. Го-английски это апвеллинг. И были десятки работ с описанием апвеллинга. Детальнейшее описание, более детальное, чем теперь делается.

Ю. С.: То есть к вашим костным брекчиям апвеллинг не имел отношения?

Г. Б.: Именно поэтому они и образовались, костные брекчии. Это подъем вод, это высокая продуктивность, это планктон, это рыбы и млекопитающие, это массовые заморы. Когда и фосфориты образуются в осадках, и падает эта вся масса живая на дно...

Ю. С.: А фосфориты в осадках, по вашей кандидатской диссертации они были химического происхождения.

Г. Б.: *(Смеется.)* Согласно моей кандидатской диссертации, они образуются в осадке.

Ю. С.: То есть диагенетически опять.

Г. Б.: Да. А рыбы и киты и всякие там морские львы они простодохнут, отравляются, падают, разлагаются и остаются кости их. Причем кости — это метровые толщи и распространены они во всем мире в океанах...

Ю. С.: То есть у вас в кандидатской диссертации согласно согласно вам химического осаждения не было?

Г. Б.: Нет никакого.

Ю. С.: Нет, не было.

Г. Б.: Никакого химического осаждения не было. Кандидатская моя была по урану. Там никаких рыб не присутствовало.

Ю. С.: Но по урану, он же там в связи с фосфором. Как, кандидатская у вас была по брекчиям рыбным.

Г. Б.: Кандидатская у меня была по урану в морских осадках.

Ю. С.: В брекчиях?

Г. Б.: Нет, по всему миру, в морских осадках. То есть брекчии там где-то упоминались, но брекчии — это уже докторская. (*Смеется.*) Эта вся история апвеллинга, конечно, весьма примечательна. Причем я только недавно в конце концов убедился: самое главное тут, вернее, первое, с чего все начинается, это ветер. Это климат. Потому что все течения порождены ветрами. И хотя, скажем, в той же самой Южной Атлантике ветер-то дул где-то в Антарктиде и в Арктике, соответственно, а течение возникло и движется уже по инерции на тысячи километров. Оно порождено ветром, но дальше оно собственную силу приобретает и движется, когда уже ветра нету. В этом плане меня просветили наши гидрологи, наши климатологи, потому что они этим занимаются вплотную. Я ограничивался течениями. А течения все-таки руководятся ветром.

” И апвеллинги существуют в любой луже. Ветер подул, и вот тебе холодная вода вышла на поверхность.

В Черном море апвеллинги происходят тоже благодаря ветру. Мало того, настолько сильные бывают ветровые апвеллинги, что весь 150-метровый слой воды сдувается, и на поверхность выходит тяжелая вода с сероводородом из Черного моря. Это и в Одессе бывало неоднократно, и в Крыму.

Ю. С.: Понятно. В общем, признали вас как открывателя.

Г. Б.: Признали, да, на мою голову, потому что потом множество было нареканий.

Ю. С.: Почему множество нареканий, если масса ученых, грубо говоря, все геологические ученые советы дали положительный отзыв, откуда же нарекания?

Г. Б.: А потому что этого не может быть, потому, что не может быть никогда. Это очень веский аргумент.

Увлечение вулканизмом

Это одно из моих занятий или увлечений. Потому что я после того, как обнаружил сульфиды, я еще занимался металлоносными осадками, потом железомарганцевыми конкрециями и корками. Ну, и всякие катастрофы меня всегда привлекали морские, которые с их геологическими последствиями.

Ю. С.: А какие морские катастрофы? Потому что чаще всего метеоритная катастрофа, говорят, в геологии. Нет, какие-то оползни, морские вдоль шельфа.

Г. Б.: Вулканизм.

Ю. С.: Вулканизм, да?

Г. Б.: Да. Вроде бы я от этого был далек и я только когда контактировал с Зеленовым Константином Константиновичем, он был фанат этого дела. Он нырял с бутылкой где-то в зоне извержения в Индонезии и собирал взвесь рядом с вулканом. Потом демонстрировал это все в ГИНе, и Страхов его нещадно ругал за это. Ничего не признавал, ни одного его положения. Но он был настолько заряжен энергией, что его ничто не могло поколебать. Вот он и в Красное море отправился. А я к этому пришел много позже, когда я обнаружил в осадках и фосфоритах и в железомарганцевых конкрециях включения платиноидов.

Ю. С.: Кого?

Г. Б.: Платиноиды. Платина и металлы платиновой группы. Которые не с чем было связать, кроме

как с вулканизмом. И это оправдалось. Действительно, когда я стал изучать и лавы и вулканические пеплы, то я там обнаружил и вот это, что искал. И вот недавно была экспедиция, два ледокола ходили в Карское море, чтобы доказать, что оно советское, российское. То есть что дно Карского моря и вообще Арктики — это часть платформы нашей. И они работали недалеко от Северного полюса, на хребте Менделеева, и собрали там тонну камней, которые...

Ю. С.: Это вот сейчас вот, недавно.

Г. Б.: Да-да, только вот что.

Ю. С.: Это ваша экспедиция, там Флинт, да?

Г. Б.: Нет, мы там не участвовали, там участвовали геологи из МАГЭ, НИИ Океангеологии и другие. То есть нас они не пригласили. Так что они собрали там материал, его сейчас изучают с целью доказать, что это все породы с нашего берега. То есть не с берега, а наоборот, что это исконные породы, которые лежат там.

Ю. С.: Шельф, да, платформа, да.

Г. Б.: Да, что это продолжение платформы. Но в этом мы глубоко сомневаемся, потому, что это, скорее всего, материал ледового разноса. Но оттуда мне передали коллеги несколько образцов железомарганцевых корок, и я там обнаружил тоже платину. Не я, а мои коллеги. И это следы вулканизма, который там действовал.

Ю. С.: А скажите, есть известные и ставшие уже популярными курильщики, вокруг них тоже сульфиды. Те, кто их открыл, они как-то с вашими открытиями их связали?

Г. Б.: Поначалу связывали, а потом нет. Ю. С.: Ну а как же, раз один и тот же процесс, наверное?

Г. Б.: Да, этот процесс один и тот же. Но не совсем один и тот же. Потому что множество разновидностей этих курильщиков. Состав там разный и глубина, собственно, процесса может быть разная. И потом наложенные процессы, потому что если это глубокого разложения процесс, то он по пути наверх захватывает посторонний материал, переплавляет его. То есть сложностей много в этом. И много разновидностей руд сульфидных там и сульфидные, сульфатные среди них есть и смешанные, и с солью и без солей. То есть каждый новый район приносит очередные сульфиды.

Ю. С.: А сами вы связываете это с курильщиками?

Г. Б.: Сам я на них не работал.

Ю. С.: Ну не важно, что вы не работали. Работали другие, но как-то...

Г. Б.: Нет. Это, в общем, не первой важности для меня материал. В основном я занимаюсь фосфоритами, железомарганцевыми рудами и редкометалльными. Вот редкие металлы меня интересуют везде. И в вулканических пеплах и в осадках и конкрециях. Везде, где фрагменты хотя бы какие-то или индексы существуют.

Ю. С.: Ну хорошо, а сейчас вот это ваше открытие механизма накопления фосфатов в зонах апвеллинга, оно общепринято? Ну, зарубежом?

Г. Б.: Оно общепринято, но дорабатывают всякие детали, находят некоторые нюансы. Интерпретируют осаждения через несколько этапов... В общем, всякие, копаются в специфике самого процесса.

Ю. С.: То есть кроме планктона еще вводят какие-то элементы, да?

Г. Б.: Нет, первоисточник — планктон.

Ю. С.: Общепринято, что планктон?

Г. Б.: Да. Но популярна еще микробиологическая гипотеза, которая гласит, что микробы сами накапливают фосфор, сами потом падают на дно или живут на дне и таким образом образуются фосфориты. Но такие

микробы действительно есть, об их существовании узнали от технологов, которые используют микробов для очистки сточных вод. И в связи с этим сразу возникла гипотеза у южноафриканских коллег, что может быть такие микробы есть и в море. Но микробиологи пока...

Ю. С.: Не нашли.

Г. Б.: Пока не нашли в море. Но все равно они должны быть, потому, что это основание для новой гипотезы. (*Смеется*). Потом, при изучении осадков обнаружили новый вид бактерии, размер которой миллиметр. Такой червячок миллиметровый, но бактерия. Называется она сульфовибриум намибиэнсис, шельф Намибии.

Ю. С.: Но она концентрирует фосфат?

Г. Б.: Да. Все бактерии концентрируют, но немного. Потому, что оболочка с сульфидами фосфатными, так что фосфор в любом живом существе необходим. И некоторые организмы, во-первых, в костях все концентрируют, потом ракообразные — в панцирях, ракушки фосфатные тоже есть. В Прибалтике месторождение ракушечника, оболусы, а есть и лингулы современные, тоже фосфатные. То есть основания есть и для такого. И действительно, такие месторождения есть. Правда, с лингулами пока единственное. Но в некоторых древних фосфоритах встречаются тоже фосфотизированные ракушки и фосфатные типы лингулы тоже. Но в виде включений, не более.

Современная работа

Ю. С.: Да. Но, конечно, жалко, что вас тогда очень сильно подсекли с выездом.

Г. Б.: Ну, это мелкий эпизод.

Ю. С.: А вот эти лекции, это не мелкий эпизод.

Г. Б.: Да, все могло бы повернуться совсем иначе, может быть я бы там прижился.

Ю. С.: Ну даже вряд ли бы прижились, а просто...

Г. Б.: Ну, какие-то новые перспективы были бы.

Ю. С.: Новые перспективы бы открылись для работы...

Г. Б.: Там аналитическая база другая.

 У нас тут копейки считаешь, когда надо сделать анализ, из кармана приходится вынимать. А сам-то я не могу все сделать.

Ю. С.: Но просто новые материалы.

Г. Б.: Новые материалы, я завален новыми материалами. И новые методы есть, но они стоят денег.

Ю. С.: Скажите, пожалуйста, вот это вот, было два этапа: программа глубоководного бурения сначала была, это «Гломар челленджер».

Г. Б.: Она началась тогда, когда меня никуда не пускали.

Ю. С.: Какие-то материалы из этой программы до вас доходили?

Г. Б.: Нет. У меня столько своего материала, что мне оттуда не надо ничего. Правда, иногда чем-то я пользовался, да, немного. Где-то там фосфатные порфиры встречались, но это так, мелкие эпизоды. Мне вполне достаточно моего материала, потому, что я сейчас привлекаю материал по фосфоритам всего

мира. Которые из месторождений фосфориты, из крупнейших месторождений. Я их тоже изучаю, сопоставляю по возрастам, как менялся, как эволюционировал состав от докембрия до современного времени всех фосфоритов. Месторождения, в которых я сам не работал. Есть у меня коллекции этих фосфоритов.

Ю. С.: А аналитическая база?

Г. Б.: Аналитическая база пожалуйста, плати деньги и все будет.

Ю. С.: Денег-то нет.

Г. Б.: Приходится с чем-то расставаться.

Ю. С.: А вот мне сейчас попался на глаза такой свежий том, по-моему, 2013 год, вот там куча авторов и в том числе вы, это методы изучения океанических...

Г. Б.: Ну, таких сборников не счесть.

Ю. С.: Это такой очень солидный там.

Г. Б.: Это неважно.

Ю. С.: В Петербурге издана, такая конференция была.

Г. Б.: В Петербурге, да. Так недавно две таких толстых книги издал ГЕОХИ, сборники. По программе президиума «Возникновение и эволюция биосферы», и в той и другой книге мои статьи есть. То есть таких много издается.

Ю. С.: У нас вы человек признанный, безусловно.

Г. Б.: Но и за рубежом, правда, как-то со временем это слабеет. Уже забыли, те люди, которые были моими современниками, их уже нет. Поколения меняются. Теперь, например, я недавно столкнулся. Есть такой американец Ли Ху.

Ю. С.: Как?

Г. Б.: Ли Ху.

Ю. С.: Это какой-то китайский американец.

Г. Б.: Китайский. На Гавайях он живет. Он публикует, как пулемет, обзорные статьи, где обобщено все: атмосфера, биосфера, гидросфера, литосфера. Везде он приводит средние данные и ссылается. Вот это по данным такого-то, иногда ссылается. А вот это, смотри мою предыдущую работу и ссылки, которые в ней. То есть он публикует мои данные и ссылается, смотри на мою же работу предыдущих лет.

Ю. С.: То есть вашей фамилии нет.

Г. Б.: Да. А в той работе он сослался на мою фамилию.

Ю. С.: Понятно.

Г. Б.: И он заграбастал все. И все средние содержания элементов во всех биосферах, атмосферах и т.д. И в осадках, и в рудах и где угодно, и в конкрециях железомарганцевых, и фосфоритах и в корках и так далее. И вот все ссылаются на этого Ли. То есть, по крайней мере, все, кто не знает ничего другого.

Ю. С.: Ну да, ну так вот это и идет такими волнами.

Г. Б.: Так что если где-то сослался на таблицу Менделеева, то теперь он все равно может ссылаться на себя.

Ю. С.: Да, такими волнами и идет. Это очень важно по поколениям, конечно. Скажите, а как вы сами себя расцениваете, вы такой как бы ученый-одиночка?

Г. Б.: К сожалению, да. Были у меня аспиранты, которые, естественно, сгинули по велению времени.

Ю. С.: Что значит сгинули? Защитились?

Г. Б.: Защитились и ушли из науки.

Ю. С.: Понятно.

Г. Б.: Потом нынешняя молодежь такая, как-то не очень любит работать, но с таким хищным оскалом. Очень хваткая. Работает на прихват. И как-то иногда даже не хочется с ними контактировать. Потому, что хотят получить сразу, все и сразу.

Ю. С.: Все и сразу, ну да.

Г. Б.: У меня просто как-то так сложилось, что мною самым руководило любопытство и бесшабашность. То есть я влезал туда, куда не следует вроде бы влезать. Ну, и естественно, если уж этого хватило, то это надо дорабатывать.

Ю. С.: А в последние годы совершенно, конечно, изменилась система финансирования работ. То есть стала грантовая система. От наших, от РФФИ, еще от кого-то и участие в западных программах. И все сидят, пишут, пишут, пишут, пишут. А у вас как это?

Г. Б.: Я не столько пишу, сколько...

Ю. С.: В смысле, заявки на гранты пишут, я имею в виду.

Г. Б.: Насчет грантов, гранты мизерные у нас. Грант Президиума 150 тысяч в год, из них треть — это налоги. Потом были всякие препятствия, надо заплатить кому-то. Ну, там за анализы, это целая морока, это надо договор оформлять. Легче из своей зарплаты заплатить. Потом сейчас вроде бы открыли дорогу для грантодержателей, но условия такие, что возраст руководителя не больше 55 лет.

Ю. С.: Да, есть такое? Я не знал об этом.

Г. Б.: Да. Возраст участников тоже не более каких-то лет. То есть я не могу быть ни участником, ни руководителем. Некоторые получили по миллиону гранты, молодые ребята, только что защитившиеся. Как они будут его тратить, это их дело.

Ю. С.: Но то есть это поддержка молодежи называется.

Г. Б.: Да, поддержка молодежи. Где и что и как покупать... Дело в том, что у нас была аналитическая лаборатория когда-то. Какие-то анализы мы делали здесь у себя. Потом эта лаборатория закрылась. Теперь у кого есть сотрудник — химик, он может что-то сделать. У кого нет, значит надо делать анализы на стороне. Для этого надо платить. Вот и все. У меня потребности большие, а возможности маленькие. Но поскольку я когда-то увлекался всяким собирательством всего чего угодно, я просто ликвидирую что-то в плату, в оплату анализов.

О коллекционировании

Ю. С.: А что вы собирали?

Г. Б.: Все. Насекомых.

Ю. С.: Интересно.

Г. Б.: В детстве насекомых собирал, потом собирал марки.

Ю. С.: Вы собирали насекомых, определяли, все.

Г. Б.: Нет, это в детстве было, в глубоком детстве. От насекомых у меня только сохранилось воспоминание

об укусах шмелей, ос...

Ю. С.: (Смеется.) Понятно.

Г. Б.: Шмелей, ос и всяких прочих. Потом в детстве марки собирал.

Ю. С.: Марки хорошая коллекция была, нет?

Г. Б.: Нет, слабенькая. Потом монеты начинал собирать со всего мира. Ну, тоже там какие-то жалкие. Где-то там каких-то знакомых, где-то чего-то. Потом оружие.

Ю. С.: Оружие вообще собирать сложно.

Г. Б.: Ну вот я собирал, за что и поплатился.

 У меня был парабеллум. О, какая прекрасная вещь! Его берешь в руки... У танкистов и у летчиков немецких были парабеллумы. Вальтер, тоже неплохая вещь.

Ну, холодное это я... не в счет, холодное оружие.

Ю. С.: Тоже было?

Г. Б.: Есть! На стенах висит. Из Йемена я провозил, с Кавказа, из других мест. У меня даже есть палаш гвардии Вильгельма II. Тоже случайно совершенно доставшийся. Потом всякий антиквариат меня тоже интересовал по ходу дела. Живопись, я имею в виду...

Ю. С.: То есть какие-то вот покупали работы, какая-то была коллекция или что?

Г. Б.: Трудно назвать коллекцией. Но нумизматику я какую-то покупал или привозил из командировки чего-то такое. Но были какие-то связи, мы обменивались. Так что даже какие-то у меня были довольно редкие экземпляры. Потом случайно доставалось от дальних родственников, от знакомых какие-то там побрякушки. Иногда, редко что-то попадалось интересное.

Ю. С.: А живопись?

Г. Б.: Живопись — это иконопись, я имею в виду.

Ю. С.: Иконопись?

Г. Б.: Да. Даже ездил по деревням что-то собирал. Но в основном раздавал. Потому, что жена работала всегда, и так повернуться негде, а тут еще все-таки.

Ю. С.: А библиотека, книги?

Г. Б.: Книги тоже, да, но антикварных книг я не собирал. Правда, были библии у меня, времен Екатерины. Но ничего этого уже не осталось. Все как-то разошлось. То, что были у меня знакомые художники, которые этим профессионально интересовались, приходилось или дарить, или выпрашивали у меня, потому что их интересовало. Так что у меня из этого практически мало чего осталось. То просил кто-то из верующих, для церкви отдай. Тоже я отдавал.

Ю. С.: А какой-то архив, дневники, были?

Г. Б.: Своих нет.

Ю. С.: Своих нет.

Г. Б.: Только достался мне дневник старшего брата двоюродного, который прошел две войны: Финскую и Отечественную и тонул на Балтике. И прошел всю войну потом в пехоте, его уже нету.

Ю. С.: Дневник военных времен или после?

Г. Б.: Видимо, он писал вскоре после. Вскоре после. Потому что некоторые записи были свежие. Но их читать тяжело.

Ю. С.: Но он не публиковался?

Г. Б.: Ну что вы. Как он мог публиковать?

Ю. С.: А вы не делали попыток опубликовать?

Г. Б.: Нет. Я не знаю, может быть, когда-нибудь я какие-то выдержки опубликую. Но это не для рядового читателя.

Ю. С.: Что значит — не для рядового читателя?

Г. Б.: Кому интересно читать, как человек, как люди гибли, лежа на льду финского озера под огнем.

Ю. С.: Как раз это, я думаю, интересно.

Г. Б.: В черных бушлатах.

Ю. С.: Ну да, то есть их можно было расстреливать прицельно. То есть без маскхалатов, да?

Г. Б.: Какие халаты! В ботинках во флотских, в штиблетах.

Ю. С.: Нет, конечно, жалко, если такие вещи останутся неизвестными.

Г. Б.: А сколько этого всего осталось и останется неизвестного.

Ю. С.: Останется, конечно. А от папы никаких не было, он не вел, наверное, ни дневников, ничего?

Г. Б.: Отец? Нет. Он и рассказывать страшно не любил ничего. Когда я еще был маленьким, он что-то рассказывал про жизнь. Да, фотографии остались.

Ю. С.: Фотографии остались.

Г. Б.: Фотографии какие-то остались, да. Как ни странно. Но так их, чудом удалось спасти, потому что все это могло сгнить 10 раз. Во время войны, например, мы переезжали, нас переселяли. Наш дом был в центре, Большой комсомольский переулок. И поставили зенитки, а всех жителей выгнали. И переселили нас в другое место, и большая часть вещей пропала, естественно.

Ю. С.: Большой комсомольский это?..

Г. Б.: Это недалеко, вот от ГПУ.

Ю. С.: Это не там, где памятник Воровскому?

Г. Б.: Это теперь называется Златоустовский. Там рядом мой дом был 3... За, а рядом был дом 3. В котором был большой подъезд стеклянный, задернутый занавесками и я ни разу не видел, чтоб туда кто-то входил и кто-то выходил. И вот когда я был на Кавказе на восхождении, к соседям пришла группа снизу и говорят: «Батурина срочно в Москву». А тогда я оформлялся на выставку, переводчиком на выставку в Дамаск. И мне сказали, будет длительное оформление, и я отправился на Кавказ. И тут вдруг такая оказия.

” Ну, я помчался вниз, доехал до Минвод, сел на самолет, билетов не было на самолет, я пошел к начальнику порта, показал ему телеграмму. Меня посадили в кабину пилота, и я добрался до Москвы.

И прихожу я по этому адресу, рядом с моим домом. И впервые я открыл эту дверь.

Ю. С.: Это тот самый, который задернутый.

Г. Б.: Который задернутый. А там часовой. Проверили мои документы и потом провели в кабинет и стали задавать всякие вопросы. Почему и как и где и прочее. Мне сказали: «Ну ладно, мы тебя в этот раз выпустим, а там видно будет».

Ю. С.: Так неожиданно.

Г. Б.: Да, неожиданное открытие. Это улица Кирова.

Ю. С.: Ну да.

Г. Б.: Там магазин был посудный когда-то.

Ю. С.: На углу там. Он и сейчас там есть. Фарфор, по-моему, там сейчас продают.

Г. Б.: Да-да, фарфор. И там же неподалеку был магазинчик небольшой, кондитерский. И когда в 41-м году была эта паника в Москве... Я в Москве провел все. Когда уже... выезжали пачками ответственные товарищи и по всей Москве пепел летел от сожженных бумаг.

 А мать меня брала, мне дала последние деньги, какие в доме были, и сказала: «Иди в любой магазин и купи любую съестную продукцию». И вот я зашел в этот магазин, там оставалось только печенье и вот я на все деньги купил печенье.

И это нас спасло во время...

Ю. С.: Правда?

Г. Б.: Да.

Ю. С.: Да, интересно. А каких-то, ну вот вы сами никаких воспоминаний не писали?

Г. Б.: Никогда.

Ю. С.: Никогда.

Г. Б.: Да я и стесняюсь. Кому это надо? Моим детям и внукам это не надо. Им это неинтересно, и непонятно многое даже, просто непонятно.

Ю. С.: Ну как, что значит непонятно? Нам всем это непонятно в той мере, кто не пережил этого, любому непонятно. Но когда ты читаешь, ты хоть как-то это прикидываешь. Понимаешь, по крайней мере, чуть-чуть ощущаешь, что пережили другие...

Г. Б.: Некоторые мои коллеги этим занимались. Некоторые даже по две—три книжечки выпустили о себе любимых.

Ю. С.: Ну, о себе любимых вы так иронично. Просто, ну... Ну что делать, это же моя жизнь, это я же ее прожил и поэтому...

Г. Б.: Но я знаю, что моей жене это будет интересно.

Ю. С.: Понятно, а думаете, детям нет?

Г. Б.: Детям, иногда, когда я начинал что-то рассказывать, они меня перебивали.

Ю. С.: Может не тот возраст был?

Г. Б.: Да нет, зрелый.

Ю. С.: Зрелый?

Г. Б.: Да. Потому, что много таких ситуаций, когда есть что по этому поводу рассказать. Но не любят ни советов, ни поучений.

О детях, семье и друзьях

Ю. С.: Ну, совет это понятно. А скажите, кем стали дети? Ну как учились, вообще говоря, и как...

Г. Б.: Старший сын воспитывался без меня.

Ю. С.: В другой семье, да?

Г. Б.: Да. От первой жены, с которой я разошелся после своей первой самостоятельной экспедиции. Она не любила одиночества. Поэтому воспитывался он без меня и...

Ю. С.: И она вам не давала с ним встречаться?

Г. Б.: Нет, я его брал на выходные иногда, когда я был в Москве и в состоянии. И один раз я его взял с собой.

Ю. С.: В поле?

Г. Б.: Не в поле. В поле я его потом рекомендовал, он ездил от ВИМСа в поле. А я взял его с собой на рыбалку на Урал. Ездили мы туда с друзьями.

Ю. С.: Серьезная поездка.

Г. Б.: Там он приобщился к настоящей жизни немножко и стал рыбаком уже до конца дней в результате. При нас там выловили осетра тогда. Мы осетра не ловили, запрет, а местные люди ловили.

Ю. С.: А на Урал куда вы ездили?

Г. Б.: В районе Чапаевска. Где Чапаев погиб. И местный бакенщик, который там работал, нам рассказывал про то, как Чапаевскую дивизию разгромили. Он был тогда пацаном.

Ю. С.: Там жил, да?

Г. Б.: Да, ну местный казак. Причем берег тот азиатский. Берег наш был там от Урала и азиатский. Но в царское время это была середина, естественно, а потом уже это отдали Казахстану, восточный берег. Да, он говорил: после того, как мы их перебили, я вышел, удочку закинуть хотел и негде. Трусами вся река была забита.

Ю. С.: Это Чапаевская дивизия, да?

Г. Б.: Вот такие мы были. А когда, говорит, отечественная война была, и я в армию пошел, то почему мы победили немца? Потому что отчаянные мы. Вот они с танками на нас прут, а мы с винтовками. И выстояли. И Чапаева мы разбили и немцев. Вот такой вот.

Ю. С.: *(Смеются)* И Чапаева и немцев? Хорошо. Но, собственно говоря, немцев разбивали как раз те, кто был у Чапаева тоже. Так хорошо, и кем сын потом стал?

Г. Б.: Да потом учился.

Ю. С.: Ну школу кончил?

Г. Б.: Школу он кончил с помощью друга — математика. Был у меня такой Пожарицкий Генрих. Талантливый математик, главное его достижение, как он сам считал, была разработка какой-то модели по заправке жидким топливом ракет межпланетных. Но он рано умер. Но зато всех детей нашего круга

натаскивал по математике и все они хорошо сдали экзамены, когда в вузы поступали, в том числе и мой. Который не шибко был привержен к наукам, но надо было куда-то деваться, и поступил он в МГУ на геофак. Кончил его, работал где-то в МАГЭ, Морская арктическая экспедиция. Потом в моем институте защитил кандидатскую, а потом пошел по нефти и сейчас этим занимается. А младший у меня воспитывался уже в моих правилах. И был готов ко всему. Ну, мы с ним ездили, не в поле, по крайней мере, не в полях, а просто на лето, и плавать я его заставлял, и бегать. Ну, спортивный был парень. Оба сына кандидаты в мастера по борьбе, вслед за мной. Я, правда, до мастера не дошел, до первого разряда. Они профессионально занимались. Выступали, естественно, на соревнованиях всяких. Но, повзрослев, занимались уже другими делами. Правда, младший, в аспирантуре. Сначала у нас был в аспирантуре, потом уехал в Калифорнию.

Ю. С.: То есть тоже в геологии что ли?

Г. Б.: Нет, он занимался океанологией. Чисто океанологией. И поскольку тогда тяга началась заграничная, университеты, он подал заявку сразу, по-моему, в 4 или в 5 американских университетов и везде получил положительный ответ. Но выбрал калифорнийский.

Ю. С.: То есть уехал навсегда, что ли?

Г. Б.: Он уехал туда закончить аспирантуру, защитился там. Потом работал по специальности какое-то время. А потом, поскольку надо было семью содержать, он стал заниматься всякой... расчетами по финансовой части и работал там в какой-то фирме. Не знаю, я не интересовался деталями. Потом эта фирма лопнула, он перешел в другую фирму и там сейчас и обретается.

Ю. С.: Но он остался там, да?

Г. Б.: Остался там. Родились дети, дети уже американцы.

Ю. С.: Ну и понятно.

Г. Б.: Куда деваться? А здесь все начинать сначала, хотя, в общем-то, предлагали и здесь. Он сюда приезжал недавно, какие-то там международные конференции с участием Америки, его фирма там участвовала тоже. Но, в общем, видимо, он не вернется.

Ю. С.: А старший здесь.

Г. Б.: Старший здесь, да. Продолжает нефтью заниматься, в данный момент он на рейде работает.

Ю. С.: Нефть — это такая вещь, где хорошо платят.

Г. Б.: Ну, не везде.

Ю. С.: Не везде?

Г. Б.: Не везде, нет. По крайней мере, он недоволен своим теперешним местом. А он и в Америке работал какое-то время, и в Англии.

Ю. С.: А вот круг ваших друзей, я так понял, что он сыграл громадную роль.

Г. Б.: Да, решающую. В геологию пошел именно благодаря им. Они меня называли неполноценным гуманитарием. (*Смеется.*) Мол, они вот такие-сякие, но никого из них уже нету. А были люди совершенно выдающиеся, яркие и талантливые. Кто спился, кого рак настиг или еще что-то.

Были такие, например, мелкие эпизоды. Мы катались на лыжах зимой. Ездили, еще электрички не было, а были паровики. И вот ездили мы до станции «Турист». Там где горки, мы там избу снимали, мы там катались, потом пели песни, выпивали, едем назад.

Кто-нибудь встает из наших и начинает читать лекцию, которую только что вот на ходу сочиняет. Например, о человеке йети, который в Гималаях живет, питается неизвестно чем, бегает голый. И публика слушает, подсаживается ближе.

Мы приезжаем в Москву, а никто не уходит. (*Смеются.*) И пели. То, что сейчас не поют.

Ю. С.: Ну это совсем юность. Но хотя уже и не совсем, это уже 30, под 30. (*говорят одновременно*).

Г. Б.: Нет, но это были 20-е, 20-е годы. Потому что после того, как все устроились на работу уже...

Ю. С.: Ну как ваша компания сохранялась?

Г. Б.: Она сохранялась до смерти.

Ю. С.: Да, сохранялась, да?

Г. Б.: И остался я один.

Ю. С.: Понятно. А с их детьми?..

Г. Б.: Дети между собой контактировали, наши дети. Но как-то не очень бурно. Куда-то вместе ездили иногда. Но со временем это все как-то ослабилось.

Ю. С.: Угасает?

Г. Б.: Угасает.

О разных поездках

Ю. С.: А почему вы в армии не служили?

Г. Б.: Почему я не служил? По зрению.

Ю. С.: По зрению?

Г. Б.: У меня белый билет, я офицер запаса, капитан.

Ю. С.: По зрению.

Г. Б.: По зрению я в действующей армии не был, а в институте была военная кафедра.

Ю. С.: Нет, ну военная кафедра это одно, а просто после армии, ну после института там берут, сколько-то там...

Г. Б.: Мне, после того, как я кончил институт, мне предложили....

Ю. С.: (*Перебивая.*) Там вроде там год, что ли.

Г. Б.: Мы были на сборах военных.

Ю. С.: Сборы это просто институтские.

Г. Б.: Да, но тогда сборов было достаточно. А после окончания института мне предложили работать преподавателем в военной академии. Преподавателем языка.

Ю. С.: Арабский вот ваш.

Г. Б.: Да.

Ю. С.: Но это военная карьера, это совсем другое.

Г. Б.: Да. А вторая угроза военной карьеры, когда был кризис Суэцкий. Когда мне либо в армию надо было...

Ю. С.: Ну, слава богу, слава богу, что не в армию.

Г. Б.: Но все равно я не знаю где, но в армии, наверное, все-таки поинтереснее было бы, чем в посольстве. Но кто знает, наши военные полно...

Ю. С.: Кто знает, никто не знает.

Г. Б.: Например, танки наши привезли в Йемен, дикая страна. Я там дважды бывал. Один раз дипкурьером, другой раз просто в командировке. Там не было ни радио, ни телевидения, ни телеграфа, ни электричества, ни водоснабжения.

Ю. С.: Танки-то кому-то надо передать, кто-то должен быть в состоянии все это обслуживать. Это же все-таки техника.

Г. Б.: Значит, отбирали из достойных семей отпрысков совершеннолетних, направляли их в Египет. Там наши инструктора пытались их обучить чему-то, потом они возвращались. Иногда с инструкторами иногда и без и считалось, что они способны.

” И вот новые танки с корабля снимают, садятся эти товарищи обученные, и у них танки или не туда едут или там еще что-то. Один раз был конфуз на параде, когда на толпу зрителей танк наехал.

Но было всё: и танки, и артиллерия. Потом была же война между Йеменом и Египтом, потому, что Египет объявил слияние трех государств: Египет, Сирия и Йемен.

Ю. С.: Да, было.

Г. Б.: Но потом йеменцы от этого быстро отказались и сирийцы тоже. И была война между египтянами и йеменцами, в Йемене. Йеменцы начисто разгромили и танки, и артиллерию египетскую с помощью кинжалов.

Ю. С.: Серьезно?

Г. Б.: Это правда.

Ю. С.: Да, и коктейли Молотова. Да, понятно. А вот вы много где побывали, и у нас так.

Г. Б.: А, да. У нас дома была карта, мы там ставили флажки, куда меня не пустили. (*Смеются.*)

Ю. С.: А, куда не пустили? Много флажков было, куда не пустили?

Г. Б.: Много, да.

Ю. С.: Да, это я в первый раз слышу о такой карте. А вот из тех мест, в которых довелось быть, Тува, Арал, ну много где вы были...

Г. Б.: В Арале я как-то попал, отправился на байдарке собирать пробы довольно далеко от нашего местопребывания основного, от Аральска, и тут вдруг объявили карантин, не то чума, не то холера. Откуда-то из Азии, из Афганистана пришла. И как раз граница закрылась за мной. И я не мог выбраться, не знал. Остался один с лодкой, с образцами, которые я собрал, а дороги назад нет. И тут появился патруль пограничников под руководством казаха, младший лейтенант. Он спрашивает: «Кто, откуда, почему, как здесь очутился?». Я говорю: «Вот, лагерь вон там, а я не могу добраться». Говорит: «А

ты вообще откуда?». Я говорю: «Из Москвы». — «У! Из Москвы, я тоже хочу в Москву. Хочу в военную академию поступить. Ну а ты вообще что-нибудь тут знаешь, как вот объяснить?» Я говорю: «Да чего тут объяснять, я был в мусульманских странах». Он говорит: «Да? Это интересно, а ты что умеешь поихнему?» — «Умею». — «А ну скажи». Ну, я ему сказал несколько слов. «А у нас тут в деревне неподалеку аксакалы есть, они знают Коран, давай я тебя к ним свожу, все равно время-то идет, чего, куда тебе деваться». Привел он меня в этот самый шатер, или как там у них называется.

Ю. С.: Юрту.

Г. Б.: Ну, типа юрты, да, но юрта это у северных. Но типа палатки что-то. И приняли они меня там радушно, тут же барана зарезали, я им прочел несколько сур из Корана.

Они говорят: «Слушай, зачем тебе эта вся ерунда, оставайся у нас, будешь у нас имамом, мы тебе дадим три жены и баранов дюжину для начала». Но я как-то на это не согласился.

Упросил, меня, наконец, эти пограничники доставили до нашего лагеря. Я по неосторожности дал адрес этому лейтенанту. И потом проходит год или полтора, я возвращаюсь из экспедиции домой, в пустую квартиру. Жена в роддоме лежит, дом пустой и вдруг звонок и входит этот парень и говорит: «Слушай, я вот приехал, хочу в академию военную поступить, устрой мне это тут».

Ю. С.: Устрой поступить?

Г. Б.: «Устрой меня в академию». Я говорю: «Как? Как я могу тебя устроить?» Он говорит: «Как, чтобы Глеб Николаевич не мог меня устроить?» *(Смеются.)*

Ю. С.: Ну человек, который знает Коран...

Г. Б.: Да, и у нас в институте, когда я учился, у нас были ребята, и узбеки, и таджики. И буквально через пару лет после окончания институтов они иногда приезжали в Москву со своими делегациями, уже остепененные. Уже там секретари обкомов они были.

Ю. С.: Это вот восточных языков, да?

Г. Б.: Да. Они вернулись к себе и там сразу пошли в гору. У нас в институте были всякие личности, помимо азиатских и своих было там [много]. Например, был такой Сейфуль-Мулюков, если помните такой комментатор.

Ю. С.: Очень известный, да.

Г. Б.: Да, мы с ним в одной группе учились. Потом был помощник премьер-министра Валентин Александров, со мной учился тоже в одной группе. Но этот мало известный кому. Юлиан Семенов со мной учился, мы вместе были в лагерях военных. Юлиан Семенов.

Ю. С.: Я понял. Вы потом отношения не поддерживали, нет?

Г. Б.: Нет, как-то изредка.

Ю. С.: А вот с группой со своей из восточных языков как-то?..

Г. Б.: Нет. Жена у меня была из группы. *(Смеется.)*

Ю. С.: Понятно.

Г. Б.: Да, кто же еще-то там был у нас? А! Начальник ГРУ.

Ю. С.: Это Примаков что ли?

Г. Б.: Примаков не был. Примаков да! Примаков у нас был секретарь парткома.

Ю. С.: Ну студентом когда, да?

Г. Б.: Студентом, да. И он тогда говорил с легким грузинским акцентом.

Ю. С.: Понятно. Ну, чтоб быть похожим.

Г. Б.: А один из студентов наших, старших курсов у меня был Кирпиченко.

Ю. С.: Впервые слышу.

Г. Б.: Правильно, что не слышали. Потом я его встретил в Каире, но он не был в штате посольства, он был в другом ведомстве. А потом вот я получаю газету районную «Вести с Юго-Запада» или как там она называется и смотрю, юбилей Кирпиченко, начальник ГРУ, но он уже в отставке.

Ю. С.: Но в отставке. Видите, тоже жизнь такая.

Г. Б.: И мы с ним были в прекрасных отношениях, выпивали как-то. И он меня предостерег, я ему наливаю виски и он говорит: «Ты где виски купил?» — «Да вот тут какая-то шпана на улице продавала по дешевке, я и купил». Он говорит: «Знаешь, как это виски делается? Оно настоящее, но это называется особым словом у них».

Ю. С.: Но у нас это называется паленое.

Г. Б.: В этих ресторанах иногда проливают его и потом официант губкой собирает, выжимает. *(Смеется.)*

Ю. С.: Ох ты. Не покупай, не гонись за дешевизной.

Г. Б.: Потом докапывался до самого дна, Кирпиченко. Вот уже хороший пример.

Ю. С.: Хороший. Действительно.

Г. Б.: И недаром он был начальником ГРУ.

Ю. С.: Ну с одной стороны недаром, а с другой стороны как-то вроде бы и даром.

Г. Б.: Но уж очень он был, очень компетентный человек. Арабский язык он знал.

Ю. С.: Знал?

Г. Б.: Да. Он специально занимался с преподавателем местным диалектом.

Ю. С.: Но серьезно относился ко всему.

Г. Б.: Не то, что я. На уровне зубных врачей только.

Ю. С.: Ну, все равно знали. Ну что ж, спасибо. В общем, вот. Немножко мне как-то вот обидно, что так у вас судьба сложилась, что вы ученый-одиночка.

Г. Б.: К сожалению, это у большинства тех, кто что-то... Вот Лисицын, например, академик. Ему тоже некому передать.

Ю. С.: Но у него еще может быть характер такой, что он не очень стремился.

Г. Б.: Ну да, не очень удобный. Но жалко то, что коллекции остаются материала, каменного материала. Вот собирал человек всю жизнь, мой коллега, Ильин Андрей Васильевич коллекцию.

Ю. С.: А я его знал.

Г. Б.: Я до сих пор с ним перезваниваюсь.

Ю. С.: Он жив?

Г. Б.: Он жив, да, но на пенсии. Он собирал коллекцию всю жизнь, коллекцию фосфоритов со всего мира.

Ю. С.: У него докторская по Хубсугулу была, по-моему.

Г. Б.: Да, да. Он был во многих, сам работал в экспедициях, потом международный год был. Был такой проект международного сотрудничества по геологии. И был там проект с фосфоритами. И вот он участвовал почти во всех этих конференциях, которые сопровождались геологическими. И я участвовал тоже в нескольких этих экскурсиях. Потом я работал во Франции, оттуда тоже много брал материала. Так вот Ильин коллекцию передал мне. Но я взял не камни, а взял только уже растирки. Камни остались на работе, не знаю, целы ли они. Мне их некуда девать. У нас здесь складный ряд.

Наши все сборы многолетние за 50 лет, они все на помойке. Все, что мы собирали в океане, за что заплачено миллионы или миллиарды.

Ю. С.: Это распорядился Монин или уже позже? Позже, наверное?

Г. Б.: Когда мы были в Люблино, у нас, мы там арендовали подвалы в соседних домах и там эти коллекции хранились. Потом где канализацию прорвало, где еще, в общем, их, в конце концов, ликвидировали. Когда институт переехал сюда, здесь не было предусмотрено никаких [хранилищ]. Ну, был подвал здесь, но коллекция в 10, в 100 раз больше, чем пространство в этих подвалах. Поэтому наиболее ценные материалы там как-то хранили. Но геологи, с чем они в данный момент работают, они это хранили. Вот у меня тут лежат образцы, например, некоторые, с которыми я сейчас работаю, которые мне некуда девать просто. Дом у меня тоже завален материалами. Здесь тот кусок подвала, который мой, тоже завален. Куда мне девать новые материалы? На дачу их не повезу. А старые, пришел новый начальник, все старое подчистую на помойку. Вот в ВИМСе, где я работал, международная конференция по месторождениям урана. И люди привозят свои образцы показать, у нас, значит, свои должны быть. И вот то же самое месторождение меловое, урановое месторождение на котором ВИМС сделал, можно сказать, себя, свою судьбу. Месторождение, с которого, с урана из этого месторождения делали первую бомбу.

Ю. С.: Это ферганская где-то, нет?

Г. Б.: Мангышлак, это костные брекчии. Хотят показать образцы, а где они? На складе их нету, потому что после каждого ремонта, вернее, до каждого ремонта все выметали. Все шкафы в коридорах, которые стояли, все это шло на помойку в отсутствии владельцев даже. И вот один из сотрудников случайно сохранил запарафиненый образец, и он его показал.

Ю. С.: Но судьба общая. То есть ВИМСовские образцы тоже выкинули. Все эти коллекции выкинули.

Г. Б.: Был там такой Абрам Моисеевич Блох, который выпустил книжицу вместе с Кочинным «Редкие элементы в костных остатках». То есть он собрал тоже со всего мира, из музеев образцы костей, проанализировал их и они опубликовали это в виде сборничка. И вот шкаф с этими образцами стоял в коридоре. Как-то он приходит на работу — шкафа нету. Причем он мне обещал эти образцы отдать, но не успел.

Ю. С.: Ой, застрелиться.

Г. Б.: Теперь то, что я от Ильина получил коллекцию фосфоритов, но у меня своих тоже много. Но у него и Каратау, и Хубсугул — все это есть. И даже анализы есть некоторые. Но анализы недоброкачественные, я переделываю сейчас большую часть этих анализов заново. И вот это у меня в руках. Но оставить мне это некому. Например, новые технологии будут, новые методы определения элементов, которые мы не изучали. Те же самые платиноиды, шесть элементов. Никто их практически не изучал. Золото практически тоже не изучали. Селен, теллур и еще могу назвать несколько элементов, тоже, ртуть та же самая — не изучали. Сейчас это можно сделать. И можно будет все элементы определить в конце концов. Но для

этого надо материал сохранить. Никто же теперь в Каратау не поедет материал собирать.

Ю. С.: Ну и уже многого не соберешь.

Г. Б.: Главное, что того материала уже не соберешь.

Ю. С.: Но в принципе это такая общая проблема, потому что в экспедициях масса погибла материала и бурового и все.

Г. Б.: Ну так буровой. Я работал на кернах. Один сезон я провел на кернах. Это было на Украине, южная часть, которая примыкает к этим к степям. И там работала экспедиция кольцовская, у которой штаб-квартира была в Эссентуках. И мы с этой экспедицией сотрудничали. И вот там я провел целый месяц, описывал керны, которые они выставляют. Там пробурили несколько сот скважин глубиной метров до 300, если не больше. И все эти керны лежали в поле, вот эти вот кишки. И мне дано было задание составить фотографическую схему по этим кернам. А там тектоника. Там некоторые слои вертикально стоят, некоторые перевернуты.

Ю. С.: Головоломка.

Г. Б.: Да. Я как мог описал, но никто разобраться в этом не мог. Ни я, ни мои предшественники, ни последователи. Потому что тектоника там все перебуравила. Там действительно тектонические сдвиги были. И прошел сезон дождей — и все, и нету, пропало все. Это же глина.

Ю. С.: Глина, глина. Ну что тут скажешь, ну может быть, просто, может быть и расстраиваться не надо. Черт его знает.

Г. Б.: А вообще эпопея в ВИМСе, на мой взгляд, одна из самых главных эпопей — это как искали месторождения с помощью радиометров. Это давно известно, это опубликовано. Есть такие сборнички, которые издает министерство геологии, по-моему, о природе. Есть всякие там истории геологические. По-моему, у меня даже где-то есть.

Ю. С.: Я читал эту историю. Я был в ВИМСе, разговаривал с Печенкиным, замдиректора.

Г. Б.: А, то есть про Якубовича вы знаете?

Ю. С.: Да, да.

Г. Б.: Вот эта история фантастическая совершенно.

Ю. С.: Фантастическая, да.

Г. Б.: Вот я когда попал в ВИМС, то Якубович был. А он ведь недавно умер, кстати, совсем не давно, буквально несколько недель назад и мой соавтор Дыбенчук был у него на похоронах. Так от ВИМСа не было никого, кроме него. Он и еще пара человек.

Ю. С.: Seriously?

Г. Б.: Только было человек пять родственников и из ВИМСа несколько человек. А Якубович помогал Дыбенчуку. Я не знаю это каким образом, но...

Ю. С.: ВИМСа бы и не было без Якубовича.

Г. Б.: В том-то и дело.

Ю. С.: Ну то есть вот такого бы и не было, конечно.

Г. Б.: И вот результат.

Ю. С.: Ну что делать. И вот результат, то есть человек столько придумал, столько достиг, столько сделал...

Г. Б.: Должны были какой-то уголок хотя бы оставить.

Ю. С.: Не знаю, памятная доска должна быть.

Г. Б.: Хотя бы памятная доска. Кому там и Аршинову была и кому угодно, но только не тому, кто это все поднял.

Ю. С.: Ну, Аршинов из основателей.

Г. Б.: Да, но... А сейчас Аршинова нету на ВИМСе.

Ю. С.: Нет?

Г. Б.: Нет.

Ю. С.: Как нет? Есть, наверное.

Г. Б.: Ну где-нибудь может быть есть. Но раньше там была доска большая с его барельефом, портрет.

Ю. С.: Может быть, просто перенесли.

Г. Б.: По-моему, Аршинов был с бородой даже, насколько я помню.

Ю. С.: Ну вот трудно, в общем, с этим согласиться, со всем, архивы пропадают и материалы пропадают. Не понятно, что с этим делать, в общем, так и умираем. Недоумение.

Г. Б.: Печатные какие-то остаются.

Ю. С.: Ну, печатные... Хорошо, теперь не только печатные, ваш рассказ, видите.

Г. Б.: Такое сумбурное воспоминание.

Ю. С.: Да нет, на самом деле не сумбурное, такое очень структурированное, сжатое по всей жизни. Спасибо.

Г. Б.: Пытался я как-то своим сородичам младшим рассказывать какие-то истории, но не хотят, совершенно как-то не волнует. Потому, что когда я пытался вспомнить что-нибудь такое весомое, то почему-то все экстраординарные ситуации вспоминались. Например, когда мне было четыре года, я попал под машину. И четко помню, что я лежу навзничь и надо мной черное что-то нависает. А сбоку видна обувь людей, ноги человечьи. Потом меня оттуда выволокли, я года полтора заикался после этого.

Ю. С.: Но вас не помяло?

Г. Б.: Меня не помяло. Но как я очутился под днищем, совершенно не понимаю. А в Москве тогда автомобилей почти не было. Один автомобиль в час проезжал по улице Кирова, по Мясницкой.